П.БАРЧУК КНИГА 1 П.ЛАРИН

СЫЧ

НАЙТИ И УНИЧТОЖИТЬ

Павел Ларин
Павел Барчук

Сыч. Найти и уничтожить

Серия «Снайпер Великой Отечественной», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74772466

Аннотация

Второй шанс, молодое тело, путешествие во времени. Круто? Ну, как сказать…

Должен был очнуться в Берлине сорок первого, а очнулся под Холмом в феврале сорок второго. Теперь я не шестидесятилетний майор в отставке с позывным Сыч, а двадцатилетний красноармеец, который только вчера попал на передовую.

Мой главный актив – Афган, Чечня и пятнадцать лет в снайперской паре. Моя стратегия – бить первым и не промахиваться. Моя задача – найти десять человек из верхушки Рейха и уничтожить их по одному.

Держитесь, фрицы. Сыч вышел на охоту.

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 25
Глава 3 43
Глава 4 61
Глава 5 83
Конец ознакомительного фрагмента. 84

Павел Барчук, Павел Ларин
Сыч. Найти и уничтожить

Глава 1

Дорохов молчал ровно двенадцать секунд. Я засекал.

Имеется у меня такая странная привычка. Когда собеседник выдерживает паузу, всегда считаю. По длине этой паузы сразу понятно, что услышишь. Не буквально, конечно, в общих чертах. Три секунды – подбирает слова. Пять – будет врать. Двенадцать – врать не станет, но и говорить ему сильно не хочется.

Вот Дорохову говорить не хотелось. Совсем. Я бы сказал, что он опасается. А для него такое вообще не свойственно.

В двухтысячном, когда мы только познакомились, Дорохов Денис Петрович был полковником медслужбы, хирургом. Через его руки в моздокском госпитале проходило по десять человек за сутки. Я был в числе такой десятки.

Он тогда из моей спины вынул два осколка, третий оставил. Объяснил коротко, без сглаживания углов: «Застрял у позвоночника. Тронем – сядешь в коляску. Живи с ним». То есть что-что, а рубить правду-матку Денис Петрович умеет. Даже там, где, возможно, лучше приврать.

Погоны он снял лет десять назад. Сказал, надоела эта

служба так, что тошнит от одного вида военной формы. Теперь – главный врач онкологического центра на юго-западе Москвы. Приличный такой центр, с хорошим финансированием. Шесть этажей стекла и бетона, охранник в костюме на входе, кофейный автомат в холле. На двери кабинета табличка с золотыми буквами. Светило медицины, чтоб его. А вот для меня он всё равно тот самый полковник, который спас мне жизнь.

У Дорохова даже кабинет не такой, как у всех. Дипломов на стене нет, наградных листов и хвалебных грамот тоже. Висит только одна фотография: брезентовая палатка, рядом с ней пятеро в камуфляже под халатами. Моздок.

К другим врачам я не хожу. Что эти придурки с купленными дипломами могут сказать дельного? Я вообще к врачам не хожу. В моём возрасте куда ни сунься, везде найдётся какая-то хрень. Зачем трепать себе нервы и потом, вылупив глаза, бегать по больничкам?

А тут припёрло.

Полгода ныла спина – грешил на осколок, глотал таблетки. Потом за три месяца ушло двенадцать килограммов, в ремне пришлось пробить новую дырку. К боли я давно привык. Если на ней не заострять внимание, она не имеет над тобой власти. Но двенадцать килограммов сами собой не испаряются. Это меня слегка насторожило.

Позвонил Дорохову. Он сказал: «Завтра жду к восьми, натощак». Принял без очереди, мимо кассы. Томограф, кровь,

пункция, ещё какая-то ерунда. Всего не упомнишь. Потом была неделя ожидания, и вот сегодня Дорохов позвал меня снова. Чтобы сообщить результат.

Денис Петрович развернул монитор. Я как дурак уставился на экран.

Серый срез, на нём тёмные пятна. И что?

Дорохов посмотрел на моё хмурое лицо, хмыкнул, потом ткнул пальцем сначала в одно пятно, затем во второе.

– Ты грешил на осколок, майор. Но он тут ни при чём. Лежит, как лежал, прекрасно себя чувствует. А вот сюда смотри внимательно…

Главврач моргнул, потом вдруг отвёл взгляд, на мгновение буквально. И мне это сильно не понравилось.

– Вот. – Он снова ткнул в монитор. – Поджелудочная. Видишь? Тут опухоль четыре сантиметра. Вот печень, метастазы. Биопсия подтвердила. Четвёртая стадия. Резать поздно, облучать… скажу честно, по моему мнению незачем. Химия добавит три-четыре месяца сверху, половину из них будешь блевать дальше, чем видишь. Без химии протянешь два месяца, может, три, последние недели на уколах. Я тебе не поп и не психолог, сопли вытирать не буду. Говорю как есть.

Я ещё почти минуту бестолково пялился на пятна, потом с недоверием уставился на Дорохова.

О чём он вообще? На прошлой неделе положил пять из пяти на шестьсот метров. Руки не дрожат, дыхание ровное. Тело, которое так стреляет, по моим понятиям, здорово. Ра-

ботаю, опять же, в приличной частной конторе. Охраняем сильных мира сего. Сам, конечно, уже чисто руковожу, возраст не тот, но ведь работаю. Утром побежка, вечером – тренажерка. Все как положено.

Сорок лет смерть ходила рядом. Афган. Грозный. Вторая чеченская. Сирия. Пули, мины, растяжки, один раз свои же «Грады», так вышло. Но я, сука, до сих пор жив! Какие, к чёртовой матери, метастазы? Какая химия?!

Пройти столько горячих точек и сдохнуть от болячки. Бред.

– Денис Петрович, – начал я осторожно. Вдруг Дорохов сам приболел. Фляга засвистела. – Ты, может, чего перепутал?

– Перепутал?! – Главврач усмехнулся. – Перепутать можно хрен с трамвайной ручкой, и то сразу поймёшь, что ошибочка вышла. А тут стопроцентная информация. Мы зачем из тебя кровь сливали, мочу твою брали и тебя в аппарат засовывали? Чтобы ошибиться? Ты давай-ка не заговаривайся. Заявляю с полной ответственностью, осталось тебе немного. Ты можешь ничего не делать – сдохнешь быстро, очень болезненно. Можешь делать. Тоже сдохнешь болезненно, но ждать конца придётся подольше. Решать тебе.

Я откинулся на спинку стула. Помолчал немного. Потом не выдержал. Тихо засмеялся.

Весело мне, конечно, не было. Страха тоже, кстати, не почувствовал. Страха, переживаний или желания поплакать.

Во-первых, плакал я последний раз лет в пять, когда Машка Иванова из детсадовской группы не согласилась быть моей женой. Мать рассказывала часто за тот случай. Сам его, естественно, не помню. Во-вторых, внутри присутствовало только одно чувство – досада. И желание материться.

Ну как так-то? Как так?! Рак? Меня убьёт рак? Серьёзно?

– Что ты ржёшь-то, не пойму, – нахмурился Дорохов.

– Да просто, – покачал я головой, продолжая улыбаться. – Жизнь та ещё сука, оказывается. Ну смотри, Денис Петрович… Про химию даже слушать не хочу. Не собираюсь растягивать этот процесс. Меня интересует конкретный срок. Сколько ещё я буду на ногах, с ясной головой?

Главврач отвернул монитор обратно к себе. Подумал немного, потом ответил:

– Шесть недель. Четыре из них почти рабочие, если повезёт. Потом боль начнется такая, что все предыдущие боли покажутся легкой щекоткой, а осколок – мелкой занозой. Сразу скажу, очень скоро башка твоя перестанет нормально работать. Готовься. Рецепт на первое время выпишу сейчас. Когда прижмёт, звони сразу мне. Положу у себя, отдельная палата найдётся. И родне скажи сразу. Потом станет не до того.

– Родни нет. Ты же знаешь. И палата не понадобится. Рецепт давай, может пригодиться.

Дорохов посмотрел на меня поверх очков. Две секунды. Понял, что я не шучу, не в шоке, не собираюсь идти топиться

или вешаться. Просто реально не хочу страдать по поводу собственной болезни. Затем потянулся к бумажкам, выписал рецепт. Я забрал его, положил в нагрудный карман. Встал и двинул на выход. У самой двери обернулся.

– Спасибо, Денис Петрович, что не стал мять сиськи, сказал всё как есть.

– Да пошёл ты, – буркнул Дорохов в ответ.

Я покинул кабинет, промаршировал до лифта, спустился вниз, вышел на улицу.

На крыльце достал телефон. Номер, по которому не звонил три года, нашёл сразу. На букву «Г». Генерал. Ну да. Как ещё я мог его забить?

Знакомый бас ответил после второго гудка. Я сразу, без рассусоливания, начал с главного:

– Это Сыч. Надо увидеться, сегодня. Есть серьёзная просьба, а ты мне должен. Поэтому выслушай лично.

В трубке молчали почти минуту. Наверное, подбирали слова.

– К пяти приезжай. Пропуск закажу, – сказал голос, который когда-то орал мне приказы в рацию под Бамутом. – Адрес сейчас пришлю.

Я скинул звонок, спрятал телефон обратно. Четыре недели рабочие, значит… Ну что ж. Отлично. Тратить их на таблетки и блевотину никто не собирается.

Адрес действительно пришёл эсэмэской через десять минут после звонка. Без пояснений, просто улица и номер дома.

Место, указанное в сообщении, находилось в бывшей промзоне. Выглядело оно весьма серьезно. Бетонный забор с колючкой поверху, ворота, КПП. Ни вывески, ни таблички. Даже номера войсковой части нет. Со стороны глянешь – склад стройматериалов. Ага. Склад. С камерами через каждые двадцать метров.

Прапорщик на КПП минут пять изучал мой паспорт. Сверился со списком, куда-то позвонил, снова сверился. Наконец выдал пропуск и кивнул на трёхэтажный корпус из серого кирпича. Мол, тебе туда, братишка.

Ну, туда, так туда. Кто ж против.

Я дошел до здания, поднялся по ступеням, толкнул дверь. Внутри вся эта богадельня выглядела как обычная казённая контора. Линолеум, крашеные стены, фикус в кадке у лестницы. Вот только двери везде с электронными замками, а у лифта ещё один пост.

Чем тут командует генерал Ракитин, я не в курсе. С момента, как уволился из армии, мы встречались с ним исключительно раз в год, в определенную дату.

Пятнадцатое апреля.

После Грозного, в девяносто пятом году, нашу разведроту перебросили на юго-запад, под Бамут. Рота была уже неполная, побитая, злая. Командовал ею тогда еще капитан Ракитин. Я, старший лейтенант, руководил вторым взводом. Двадцать девять лет, башка полна идеалистической дури, внутри – ни грамма страха. Страх мне очень быстро в Афгане

ампутировали, как конечность с гангреной.

Бамут – село в предгорьях, а над ним Лысая гора. При Союзе на горе стояли ракетные шахты. Духи превратили их в крепость: бетон, подземные ходы, каждый метр склона пристрелян. В то утро наши решили идти на штурм высоты. Разведроту пустили первой – посмотреть, что там да как.

Посмотрели.

Первый взвод вместе с командиром напоролся на засаду на середине склона. Зажали их плотно, ни вперёд, ни назад не двинуться. Я со своими шёл левее, метрах в трёхстах. Ракитин орал мне по рации, чтобы уводил людей и не лез. Орал громко, с чувством.

Приказ есть приказ. Только я его не выполнил.

Добраться к первому взводу напрямую возможности не было. Там бы и легли, рядышком. Прижимал их ДШК, причём бил откуда-то сверху. Глянул в бинокль – вот он, голубчик. Выше по склону торчал бетонный оголовок старой шахты, духи сделали из него дот. Амбразура смотрит вниз, весь склон как на ладони. Сиди и постреливай.

Левее нас вверх уходила промоина. Узкая, заросшая кустарником, а по дну – ручей. С дота её не видно. Туда мы и полезли. На брюхе, по камням, по ледяной воде. Чтобы пройти двести метров, понадобилось минут сорок. Вылезли сбоку от оголовка, метрах в тридцати. Духи нас не ждали. Лупили вниз по первому взводу, а в нашу сторону даже не смотрели.

Две «Мухи» в амбразуру и гранаты сделали своё дело. ДШК заткнулся.

Дальше пошло веселее. Бородатые сами оказались под огнём. Дрогнули и побежали к лесу. К полудню высота была наша.

Радовались мы, правда, недолго. Справа и слева штурм захлебнулся, все взводы, кроме наших двух, откатились на исходные. Ночью пришёл приказ отходить. Духи снова полезли изо всех щелей.

Хреново было. Вспомнишь – вздрогнешь. Восемь ребят с той горы не спустились. Командира первого взвода я пёр на себе. Он совсем в отключке был, а мне как раз пуля левое плечо прошила, навылет.

Через три дня на ту же Лысую пошёл «Росич», спецназ внутренних войск. Брать её заново. Десять человек они потеряли, но ничего не добились. Бамут взяли только через год, в мае девяносто шестого. Но это было потом. А тогда, в апреле девяносто пятого, нас вроде как в герои записали. Пусть на несколько часов, но духов прижали.

Мне потом влепили выговор за невыполнение приказа. Ракитину дали орден. В госпитале он сказал: «Я тебе должен, Сыч. По гроб жизни. Если бы не твоё упрямство, потеряли бы гораздо больше». С тех пор ни разу об этом не вспоминали, ни он, ни я.

Каждый год пятнадцатого апреля мы собирались в Москве. Сначала ехали на Хованское, к Женьке Сомову,

единственному москвичу из наших. Потом в рюмочную у метро. Пили не чокаясь. Говорили о ребятах и о том, кто где теперь.

Первые годы приезжало человек двадцать. Потом пятнадцать. В двадцать втором нас было шестеро.

Последние три года я туда не ездил. Не ездил, и всё. Объяснять это даже себе не собирался.

Во время встреч мы не раз спрашивали генерала Ракитина о службе. В итоге достали, он ответил: «Наукой занимаюсь». Потом заржал, будто удачно пошутил. И вот выходит, не соврал. Потому как место его службы чертовски напоминало засекреченный научный центр, связанный с военным ведомством.

Я поднялся на нужный этаж, нашел нужный кабинет.

В приёмной за столом сидел адъютант. Капитан, молодой, гладко выбритый, форма отутюжена так, что о стрелки на брюках порезаться можно. Посмотрел он на меня как на грязь, которую притащили на ботинках в его чистенькую комнатку. Паркетный. Таких за версту чую. И на дух не выношу.

– Товарищ генерал-лейтенант вас ждёт, – сообщил капитан. – Проходите. У вас двадцать минут.

Двадцать минут. Мне хватит.

Кабинет у Ракитина оказался небольшим. Рабочий стол, сейф, длинный стол для совещаний, ряд стульев вдоль стены. Над креслом, как положено, портрет Верховного. А чуть

ниже портрета – маркерная доска, вся исписанная формулами. Генерал Ракитин и формулы. Примерно как я и балет.

Сам хозяин кабинета за три года сдал. Поседел окончательно, обзавёлся животом. Только взгляд остался прежний, острый, внимательный.

– Ну здравствуй, пропащая душа. – Ракитин поднялся, обошёл стол, пожал мою руку. – Три года ни слуху ни духу, а тут звонишь и требуешь срочной встречи. Я уж решил, ты кого-то грохнул – придётся прятать труп. Садись. Чай, кофе? Коньяк не предлагаю, у меня в шесть совещание, сам понимаешь.

– Обойдусь без коньяка. – Я сел на стул напротив. Подумал секунду, с чего начать. Решил говорить как есть. – Короче, Олег Николаевич. Был сегодня у врача. Рак у меня. Поджелудочная, четвёртая стадия. Осталось четыре недели нормальной жизни, потом… Сам понимаешь. Лечиться не буду, не вижу смысла затягивать. Сдыхать в палате под капельницей тоже не собираюсь. Поэтому прошу. Отправь меня туда, где стреляют. Куда угодно. Инструктором, стрелком, хоть в охранение. Мне шестьдесят, ни одна медкомиссия не пропустит, ни один кадровик не подпишет. А ты можешь. Звякнешь, куда надо – и вопрос решён. Вот такая просьба. Не буду говорить громкие слова про желание напоследок еще отдать немного долга Родине. У нас с ней такой счет, что пожалуй она мне должна. Просто не хочу подыхать как скотина, завывая от боли.

Ракитин молчал. Пять секунд, десять, пятнадцать. Этот слова не подбирал. Они у него просто закончились. Приличные. А матом, видимо, орать не хотел.

Потом генерал выдохнул и грохнул ладонью по столу.

– Ты с ума сошёл, Сыч? Совсем крыша поехала? Какое «туда, где стреляют»? Тебе лечиться надо, а не по окопам ползать! Сейчас медицина знаешь какая? Я тебе таких профессоров найду, каких твои врачи в глаза не видели. В Германию отправлю, в Швейцарию, куда скажешь. Деньги тоже найдём. А на войну – нет. Даже не проси. Чтобы я своими руками подписал тебе билет на тот свет? Не дождёшься.

Я поморщился. Ну вот. Началось. Профессора, Германия, Швейцария. Будто я пришёл за путёвкой в санаторий. Еще бы Амстердам предложил с его приколюхами.

– Ты меня не услышал, Олег Николаевич. Билет на тот свет уже есть. Без даты, но скоро. Вопрос только в том, где я сдохну. В палате, обоссанный, на уколах. Или там, где от меня ещё будет толк. Ты когда-то сказал: должен по гроб жизни. Ну так вот, мой гроб на подходе. Пора отдавать долги.

Ракитин побагровел. Открыл рот, явно собираясь послать меня по известному адресу. Но не успел.

В приёмной что-то грохнуло. Раздался возмущённый голос капитана:

– Туда нельзя! Товарищ генерал занят. Да стойте вы!

Дверь распахнулась, в кабинет влетел мужик лет пятидесяти. Худой, сутулый, в мятом свитере с растянутым воро-

том. На шее у мужика болтался пропуск на синем шнурке, в руках он держал папку, из которой во все стороны торчали листы. Очки съехали на кончик носа. Классический ботаник.

Следом в дверях нарисовался капитан. Красный как рак. Видимо, пытался удержать нежданного посетителя, но ботаник оказался шустрее.

– Виноват, товарищ генерал-лейтенант, – отчеканил адъютант. – Не смог остановить.

– Олег Николаевич, извините, это срочно, это не может ждать до совещания! – Учёный швырнул папку на стол, прямо поверх генеральских бумаг. Меня он, похоже, вообще не заметил. – Пришли результаты по последней группе. Это провал! Все двенадцать – отсев сто процентов. Физиология идеальная, хоть в космос отправляй. Кардиограмма, томография, энцефалограмма – норма. А психолога не прошёл никто. На моделировании финальной фазы у всех один и тот же срыв. Пульс под сто восемьдесят, кортизол зашкаливает, мозговая активность скачет как бешеная. Они же все добровольцы, Олег Николаевич. Офицеры, патриоты, рапорты сами писали. Знают, что обратной дороги может не быть, всей душой согласны. А тело – хренушки! Инстинкт самосохранения не отключается. Ни тренировками, ни препаратами, ни гипнозом, мы всё перепробовали. Страх смерти сильнее присяги, понимаете? С таким фоном сигнал не удержится. Мы просто теряем время.

– Аристов! – рявкнул Ракитин. – Ты совсем страх поте-

рял? У меня посетитель.

Ботаник наконец заметил, что в кабинете есть кто-то ещё. Моргнул, поправил очки. Посмотрел на меня, как на шкаф, который непонятно откуда взялся посреди комнаты.

Я сидел, переводил взгляд с одного на другого и ни черта не понимал. Какие группы? Какой сигнал? Какая, на хрен, финальная фаза? Генерал у нас на старости лет что, космонавтов готовит?

Ракитин тем временем повернулся ко мне. Уставился как-то странно, словно впервые увидел. Нахмурился.

Потом глянул на адъютанта, который всё ещё топтался в дверях.

– Капитан, свободен. Дверь закрой. С той стороны. Аристов, сядь и не мельтеши.

Капитан исчез. Учёный схватил папку, плюхнулся на стул у стены и прижал ее к груди. Ракитин побарабанил пальцами по столу. Еще раз посмотрел на меня, потом на доску с формулами. А потом заговорил. И я, если честно, охренел.

– Значит, так, Сыч. Сейчас скажу то, за что меня по-хорошему надо отдать под трибунал. Информация максимально секретная. Но так, видимо, надо, что пришёл ты именно сейчас. Лет десять назад вот эта умная голова, – генерал кивнул на Аристова, – явилась к нашему руководству с идеей. Идея бредовая, денег просил много. Денег почему-то дали. С тех пор я веду этот проект. Суть проекта… – Ракитин покачал головой, усмехнулся. – Суть звучит фантастически. Созна-

ние человека можно снять, как слепок. Целиком, со всей памятью, привычками и навыками. И отправить назад. В прошлое. В конкретную точку, в конкретный день. В тело другого человека, который тогда жил.

Я посмотрел на генерала. Потом на Аристова. Ни один не улыбался.

Первая мысль была – прикалывается. Вторая – издевается. Я ему про рак, а он мне сказки про машину времени. Только Ракитин за все годы, что я его знаю, ни разу не шутил в вопросах службы.

– Не смотри на меня как на идиота, – поморщился генерал. – Я сам поначалу так же на свое начальство смотрел. Бред сумасшедшего ученого, а они повелись. Аристов, объясни человеку. Только по-русски, без своих энграмм.

– Если по-русски… – Учёный поправил очки. – Мозг человека – это сеть. Около восьмидесяти шести миллиардов нейронов, триллионы связей между ними. Полная карта этих связей называется коннектом. В нём записано всё, что делает вас вами: память, навыки, характер. Мы научились коннектом считывать и передавать. Как сигнал. Только канал идёт не в пространстве, а во времени. Физики называют это ретрокаузальностью, когда следствие наступает раньше причины. На той стороне сигнал ложится в чужой мозг. Рефлексы, тело остаются от носителя. Личность ваша.

Ботаник замолчал. Смотрел он при этом исключительно на меня и почему-то с надеждой.

Я молча кивнул. Просто не знал, как реагировать. Снова повернулся к генералу. Видок у меня, похоже, был сильно ошарашенный.

– Да, да… Понимаю. Но ты дослушай до конца. – Ракитин подался вперёд, упёрся локтями в стол. – Зачем это всё. Программа полностью готова к первым практическим опытам. Фишка в том, что программа готова, а люди – нет. Видишь, что говорит наш учёный?

Генерал кивнул в сторону ботаника.

– Инстинкт самосохранения у них включается. Значит, хрен нам, а не перемещение сознания. Суть первого опыта следующая. Необходимо ликвидировать людей, которые повлияли на начало и ход Великой Отечественной войны. Со стороны немцев, как ты понимаешь. Не Гитлера, нет. Тех, кто её планировал, снабжал и устраивал бойню в тылу. Список из десяти фамилий имеется. Точка – май сорок первого, Берлин, за месяц до двадцать второго июня. Носитель подобран: немецкий офицер, который работал на нашу разведку. Его всё равно казнят в сорок втором. Обратно… Аристов говорит, теоретически вернуть можно. Практически ни черта не понятно. Есть вероятность, что сознание приживётся в новом носителе и хрен ты его потом оттуда выдерешь. А ещё есть вероятность, что здесь тело испытуемого не выдержит разрыва с сознанием. Так что считай, билет в один конец. Вот на этом наши орлы и сыплются. Головой всё понимают, а организм за жизнь цепляется. Сигнал рвётся.

Генерал перевёл дух, затем продолжил:

– Связи с нами не будет. Сам понимаешь. В реальном времени это невозможно. Но! Есть место под Берлином, старое кладбище. Там склеп. С сорок первого года в нём ни один камень не сдвинули с места, мы проверили. Будешь раз в неделю оставлять отчёт. Мы их найдём уже здесь, на следующий день после пуска.

Я сидел и молчал. Смотрел на генерала.

– Ты хотел туда, где стреляют. – Ракитин невесело усмехнулся. – Вот. Предлагаю. Только это не просто командировка, Сыч. Это, блин, 1941 год. И там у тебя не будет вообще никакой поддержки. Там своих не вызовешь, эвакуацию не запросишь. Более того, со «своими» надо быть максимально аккуратным. А лучше вообще не пересекаться. Рассказать правду не сможешь, на вранье спалишься. Но… Если все пройдет нормально, такой ситуации не возникнет. Вся твоя работа в Берлине.

– Хорошо… – я посмотрел на Аристова, потом снова на генерала. – В чем смысл задания, не пойму. Убийство десяти высокопоставленных фрицев не предотвратит войну.

– Вот! – ботаник вскочил с места, принялся метаться по кабинету. – Это очень правильный вопрос, молодой человек.

На «молодого человека» я усмехнулся. Пожалуй такой беспардонной лести мне еще слышать не приходилось.

– Тут вот в чем дело, – ученый остановился возле меня. – Мы не можем вносить радикальные изменения. Не известно,

к чему это приведет. Эффект бабочки. Слышали? Вы правы, войну не предотвратим, но ход ее немного поменяем. Так, чтобы нам эти перемены потом в 2026-м не аукнулись каким-нибудь апокалипсисом. Главная цель – убедиться, что проект работает. Вот тогда уже можно планировать что-то более масштабное. Адский котел Великой Отечественной, уж простите за цинизм, самый оптимальный плацдарм для опыта.

– Согласен, – сказал я после короткой паузы, и это было совсем не по поводу цинизма. – Когда отправляться?

– Не гони коней. – Генерал поморщился. – Сначала проверка, как у всех. Медкомиссия, психологи, тренажёры, моделирование. Пара недель…

– Ты совсем, что ли, Олег Николаевич? – рассмеялся я. – Какие тренажёры? Какие психологи? Я на войне с восемнадцати лет. Афган, потом разведрота, потом пятнадцать лет первым номером в снайперской паре. Я на позиции сутками лежал, под себя ссался, и ни один твой доктор мне пульс не мерил. Медкомиссия меня сейчас запорет, это и ежу понятно. Отправляй, и всё.

Аристов перестал тискать папку, вытащил ручку, что-то быстро записал. Лицо у ботаника стало почти счастливое.

Ракитин смотрел на меня долго. Потом махнул рукой.

– Чёрт с тобой, – повернулся к ученому, – Аристов, готовь и сразу запускай.

Дальше всё завертелось так быстро, что только успевай.

Три дня я изучал информацию и подписывал бумаги. Столько бумаг не подписывал за всю жизнь. Подписка о неразглашении, подписка о невыезде из страны. Второе выглядело совсем по-идиотски, учитывая, что отправят меня в Германию. Не всего целиком, конечно, но все же. Согласие на участие в эксперименте, отказ от претензий, завещание. Завещать было некому, но бланк все равно заставили заполнить. Квартиру отписал государству. Пусть порадуется.

В перерывах учил. Фамилии, лица, должности, адреса, маршруты. Вагнер, Гальдер, Гейдрих, Бакке и ещё шестеро. К третьему дню мог с закрытыми глазами нарисовать план штаба в Цоссене и рассказать о каждом все. Где родились, какие привычки, что жрут, что пьют, кого имеют на досуге.

Носителем, в которого отправят мое сознание, оказался обер-лейтенант люфтваффе Харро Шульце-Бойзен. Тридцать один год, служба в Вильдпарке под Потсдамом, жена Либертас, квартира на Альтенбургер-аллее. Точка входа – двадцатое мая сорок первого года. О Шульце-Бойзене тоже пришлось выучить все.

На выполнение задания мне отвели ровно три недели. Сказали, главное – запустить процесс. Потом обещали вернуть. Если получится. Тут я тактично умолчал, что вообще-то никто возвращаться не собирается.

А вот немецкий учить не заставляли. Аристов заверил, что язык в сознание загрузит специальная программа в момент переноса.

Тайник для передачи отчетов – Юго-Западное кладбище в Штансдорфе, под самым Берлином. Семейный склеп какого-то фабриканта, пятый камень кладки слева от входа.

На четвёртый день меня привели в лабораторию, которая находилась на третьем подземном уровне. Белый кафель, кресло, похожее на стоматологическое, шлем с проводами, стойки с мониторами. В помещении собралось человек десять в медицинских халатах. Ракитин тоже присутствовал. Стоял у стены с мрачным видом, руки за спиной.

Меня усадили, пристегнули, надели шлем. Аристов возился с датчиками и почему-то упорно отводил взгляд.

– Хочу, чтобы вы знали, – сказал он, не поднимая головы. – Это первый перенос. Первый, понимаете? Сигнал нестабилен. Может сработать идеально. А может… что-то пойти не так. Как именно, я не знаю. Никто не знает. Уж простите, что говорю это сейчас, просто… Было бы неправильно промолчать.

– Да все нормально, – ответил я. – Работай.

На мониторе появился мой пульс – шестьдесят два. Аристов покосился на экран и в недоумении покачал головой. У предыдущих кандидатов во время испытаний было под сто восемьдесят. А тут пуск – и никакого волнения.

Ракитин подошёл, стиснул мою руку. Ничего не сказал. Только кивнул.

Аристов начал отсчёт:

– Десять. Девять. Восемь…

Я по привычке считал вместе с ним.

Досчитать до конца не успел. В голове что-то щелкнуло, полыхнуло алым. А потом накрыло темнотой. Совсем.

Глава 2

Сначала вернулся звук.

Где-то совсем рядом грохнуло так, что меня буквально подкинуло вверх и тут же со всей дури шлёпнуло обратно. По крайней мере, ощущение было именно такое. На голову посыпалось что-то ледяное и колючее, набилось за шиворот.

Холодно. Чертовски, сука, холодно.

Я завозился, пытаясь сообразить, где нахожусь и почему мне на башку сыплется какая-то дрянь. В ушах звенело, будто внутри черепа поселился комар размером с хорошую кошку. Знакомое состояние, между прочим. Так бывает, когда снаряд ложится метрах в десяти, но тебя каким-то чудом не задело.

Пошевелил пальцами. Двигаются вроде. Деревянные от холода, но я их чувствую. Значит, руки на месте. Уже хорошо.

Одним движением перевернулся на спину. Тут же гул в голове усилился многократно. Не башка, а фестиваль колокольного звона. Попробовал согнуть правую ногу, потом левую. Слушаются. Крови во рту нет, в мозгах вроде тоже ничего не булькает. Значит, обошлось.

Провёл языком по губам, с удивлением понял – снег, перемешанный с землёй. Снег… Поэтому и холодно. Посмотрел в серое, низкое и явно зимнее небо. Оно, это небо, упор-

но расплывалось в одну бесконечную кляксу. Моргнул раз, другой. Лучше не стало.

Поднёс к лицу руку. Пальцы двоились, будто смотришь через мокрое стекло.

Контузия. Знакомая штука. Через пару часов пройдёт…

Стоп!

Снег. Небо. Взрывы. Какого чёрта?! Это всё очень сильно не похоже на майский денёк в Берлине.

Приподнял голову, осмотрел своё тело. Вернее, уже не своё, но какая, к чёртовой матери, разница. Главное – есть что осматривать.

На мне почему-то оказалась шинель, грубая, вся в снегу и глине. Советского образца. Ремень с подсумками, валенки. Рядом валялась винтовка. Трёхлинейка со штыком.

Обер-лейтенант люфтваффе в шинели красноармейца? Даже в качестве анекдота звучит не особо смешно.

Сел, огляделся. Это воронка. Солидная такая, после основательного прилёта. А я в ней. Сначала лежал пластом, уткнувшись мордой в землю, теперь сижу на самом дне.

Как там говорил Аристов? Что-то может пойти не так? Ну вот, похоже, накаркал ботаник. Пошло. Побежало.

Красноармеец – это ещё полбеды. Важнее другое. Судя по взрывам, я нахожусь на поле боя, и это, мягко говоря, совсем не укладывается в запланированную схему.

Словно в подтверждение моих мыслей справа опять тяжело ухнуло. Земля качнулась и недовольно загудела. Тут же

прилетело слева. Ещё через восемь секунд – новый взрыв. Бьют по площади, не пристреливаются. Значит, просто хотят прижать и не дать вылезти.

Кто?! Кто, сука, бьёт?!

Шинель и винтовка однозначно говорят, что я попал в прошлое, но в какое конкретно? Если судить по форме, плюс-минус начало Великой Отечественной. Однако… Так-то до немцев был ещё январь 1939 и япошки с их провокациями на монгольской границе. Воронки от взрывов для провокаций, конечно, слишком круто, но мало ли. Может, мы просто чего-то не знаем. В учебниках не всё написано. Финны, опять же…

Судя по звуку прилётов, хреначат по полю из гаубиц. Выстрела почти не слышно, только шелест снаряда на подлёте. Значит, бьют издалека.

Не успел подумать про гаубицы – впереди затрещал пулемёт. Короткими очередями, экономно. Пулемётчик стрелял грамотно, берёг патроны. Ему ответили винтовки – редко, вразнобой. Несколько голосов заорали «ура», но скорее вопреки обстоятельствам, а не призывая к атаке.

Неподалёку смачно выматерились. По-русски.

А потом ветер принёс ещё один крик, только не сбоку, не из-за спины, а откуда-то спереди. Со стороны противника.

– Links, verdammt! Da kriechen sie! (Слева, чёрт возьми, там ползут.)

Суть фразы я понял раньше, чем успел осознать, что ре-

ально её понимаю. Будто говорят на родном языке.

Значит, программа Аристова сработала. Немецкий теперь знаю. Только немцы почему-то долбят по мне из гаубиц и пулемётов, а я – в шинели красноармейца торчу посреди снежного поля.

Снова ухнуло, на этот раз совсем рядом, метрах в двадцати. Воронку тряхнуло, сверху опять посыпался снег.

И тут случилось то, чего со мной не бывало вообще никогда.

Тело сжалось. Само, без моего на то желания. Колени подтянулись к животу, руки обхватили голову, челюсть свело так, что заныли зубы.

В первые секунды я прихренел от такого поворота. Давно забытое чувство страха. Вот что это. Хотя слово «страх», пожалуй, слабовато. Животный ужас. Так точнее. Ничего себе сюрприз.

Приказал себе лечь ровно и успокоиться. Тело проигнорировало мой приказ. Оно упорно пыталось свернуться в позу зародыша, тряслось и не слушалось. Будто я сел за руль чужой машины, а педали заклинило.

Ах ты ж… Так вот ты какой, парниша, оказывается. Трусоватый.

Ладно. Не таких ломали.

Есть старый фокус – дыхание по счёту. Вдох на четыре, задержка на четыре, выдох на четыре. И снова по кругу. Никакой мистики, чистая физиология: сердце сбавляет оборо-

ты, голова проясняется.

На третьем круге пальцы разжались. На пятом я смог вытянуть ноги. Тело ещё дрожало, но уже слушалось. Неохотно, через силу, как новобранец сержанта.

Терпимо. С этим можно работать.

В воронку, обрушив край, скатился мужик в ушанке. Весь в снегу, с винтовкой в руке. Лет сорока, усатый, лицо красное от мороза. Лёг рядом со мной, отдышался, затем уставился на меня с немного прибалдевшим видом.

Шинель на нём сидела колом, поверх ватника, отчего мужик походил на тумбу, которую кто-то подпоясал ремнём. На ремне – подсумки, сбоку сапёрная лопатка. Валенки подшитые, рукавицы трёхпалые, чтобы стрелять, не снимая. Воротник поднят до самых ушей, но петлицы на концах видны. Защитного цвета и пустые. Ни треугольника, ни полоски.

Красноармеец. Рядовой, значит.

– Чайка, живой, что ли? А мы уж думали – всё, накрыло студента. Своими глазами видал, как тебя вместе с землёй подбросило. Ну ты даёшь, ей-богу! Слушай сюда. Ротный приказал до темноты лежать и не высовываться. Немец бьёт по полю, головы не поднять. Как стемнеет, пойдём снова. Понял? Чего молчишь? Оглох, что ли? Эй!

Чайка… Студент…

Понятно. Мне достался в качестве носителя не опытный агент, а какой-то сопляк. Был Сыч, стал Чайка. Орнитология в чистом виде, мать её так.

– Понял, – сказал я.

Голос оказался чужим. Молодой, ломкий, ещё толком не устоявшийся. Хотелось откашляться, чтобы вернуть свой. Сколько мне лет?! Совсем пацан, что ли?

Усатый снова посмотрел на меня как-то странно, потом кивнул и пополз к краю воронки, выглядывать.

Ладно. До темноты, значит, сидеть. Не вопрос. Мне как раз нужно время, чтобы проанализировать ситуацию, сориентироваться. Для начала надо выяснить, какой сейчас год и где мы находимся.

Я глянул на усатого, который устроился наверху. Самый оптимальный вариант – спросить его. Только надо придумать как. Если меня закинуло в красноармейца, за словами лучше следить. Тут Ракитин был прав. Могут очень неправильно всё понять. А отсутствие понимания приведёт к крайне печальным последствиям. Не успею не то чтобы задачу выполнить, даже чайку попить.

Потянулся к винтовке, взял её в руки, обтёр рукавом. Дёрнул рукоятку. Затвор пошёл туго, со скрипом: смазка на морозе загустела. Ничего, разработаем. В магазине пять патронов, в подсумках две обоймы. Итого пятнадцать.

Негусто. Хватит минут на десять хорошего боя, если не жадничать.

Проверил карманы. В шинели нашёлся сухарь, каменный, весь в табачных крошках. Огрызок карандаша. В нагрудном кармане гимнастёрки – письмо, сложенное треугольником.

Трогать его не стал. Потом прочту.

А вот в маленьком кармашке на поясе брюк лежало то, что нужно. Кармашек оказался зашит, пришлось рвать нитки ногтями. Внутри обнаружился чёрный гранёный пенал размером с палец. Смертный медальон. Свинтил крышку, вытряс две бумажные полоски, свёрнутые в трубочку. Одинаковые. Одну забирает похоронная команда, вторая остаётся при теле. Всё продумано.

Бумажки были заполнены ровным почерком отличника.

Чайка Алексей. Тысяча девятьсот двадцать первого года рождения. Уроженец – Москва. Дальше звание и адрес родителей.

Насколько я знаю, многие эти бумажки не заполняли – примета, мол, плохая. А студент заполнил. В приметы, значит, не верил. Зря.

Закрыл крышку обратно, сунул пенал на место. Пусть лежит. Надеюсь, не пригодится.

Поглядел на усатого. Тот по-прежнему лежал у края воронки и активно пялился в сторону противника, будто хотел всех их угондошить одним только взглядом.

Подумал немного и сам пополз к краю, но чуть левее. Не уверен в опыте и профессионализме усача. Вон, вертит башкой, как выхухоль. Того и гляди немец срисует.

Нагрёб перед собой снега, чтобы голова не торчала, осторожно выглянул. Муть в глазах за это время почти прошла.

В кино война – сплошная атака. Все бегут, орут «ура»,

враги падают пачками. Красиво, ничего не скажешь. Только в реальном бою так бывает далеко не всегда. И сейчас так не было.

Судя по тому, что происходит, могу сделать следующие выводы. Наши пошли на штурм, но захлебнулись. Вон, впереди темнеют избы. Там и сидит немец. Удобная у него позиция, ничего не скажешь.

Со всех сторон от воронки – чёрные бугорки. Много. И ни один не шевелится.

Погибшие. Та самая первая волна. Добежали, сколько смогли, там и остались. Кто уцелел, откатился назад. А нам с усатым особенно повезло. Видимо, мы к немецким позициям ближе всех оказались. Хорошо хоть воронок по полю до хрена и больше. Есть куда спрятаться. Другой вопрос: у нас точно откатиться не получится. Только вылезем – сразу положат.

За спиной, сзади, есть лесок. Но до него метров триста голого поля. Вперёд тоже никак, пулемёт голову поднять не даёт. В принципе, приказ командира тогда понятен. Тут просто нет иного выхода. Реально остаётся лежать и ждать. Правда, не уверен, что темнота при таком раскладе поможет.

Посмотрел налево. Там метрах в пятнадцати виднелась ещё одна воронка. Из неё доносился хриплый мужской голос, который крыл матом немцев, мороз и начальство до самого штаба фронта. Последнее впечатлило особенно сильно. Смело, однако. Либо рядом ни одного политрука – видать,

ещё днём выбило, они в атаку первыми поднимаются. Либо говоруну уже плевать на всё.

– Не высовываться! Ждать команды! – рявкнул голос, отматерившись. – Кто раньше времени дёрнется, сам пристрелю!

Ну вот и ротный нашёлся.

Над головой коротко свистнуло, за спиной в снег ввинтилась пуля.

Понял, не дурак. Не хрен башкой вертеть во все стороны.

Сполз обратно на дно воронки.

Усатый тихо выругался, затем начал спускаться вслед за мной. Сел рядом. Сунул руки под мышки, поёжился.

– Шалит немец. Патроны бережёт, гад. – Он покосился на меня. – Ничего. Держись Кузьмича. С Кузьмичом не пропадёшь. Только смотри, больше не позорься. Красноармейцы на врага бегут, а ты на землю плюхнулся и лежишь, как тот суслик. Я-то понимаю, первый бой, с кем не бывает. А ротный не понимает. Он у нас такой. Второй раз увидит – пойдёшь под трибунал, и никто не будет разбираться. Понял?

– Понял. – Голос опять сорвался, пришлось откашляться. – Суслики не лежат. Это опоссумы прикидываются мёртвыми.

Кузьмич выразительно хмыкнул:

– Ты бы, студент, не о сусликах с опоссумами беспокоился. Им в своей Африке всяко лучше, чем нам. Тут бы день пережить…

– Да это к слову, – пожал я плечами. – Кузьмич, слушай… Меня, похоже, крепко приложило. В голове каша. Гудит, звенит, ухает. Помню, как бежали в атаку. Потом – взрыв и всё, отрезало. Мы вообще где?

Усатый поморщился с сочувствием, крякнул, сдвинул ушанку на затылок.

– Ну, брат, дела… Контузило тебя, похоже. У нас на заводе мужик был, с германской вернулся контуженный. Два года жену не признавал. Ага… Она ему: «Васенька, Васенька…» А он глаза на неё вылупит. Я вас, говорит, мадам, впервые вижу. Потом выяснилось: притворялся. Чтобы она ему, значится, мозги не канифолила. – Кузьмич тихо хохотнул, махнул рукой в неопределённом направлении. – Вон там, впереди, Холм, студент. Город такой. Немец в ём в кольце сидит с самого января. Обложили наши его, как медведя в берлоге, а взять не могут. Мы, стало быть, тут, под Дубровой. Вон она, виднеется. Деревенька. Немец в ней крепко засел, пушки тяжёлые поставил, оттуда и лупит. Вчера пошли – умылись. Сегодня пошли – опять умылись. А комбат говорит, к утру Дуброва должна быть наша, хоть зубами землю грызите. Завтра ж двадцать третье. День Красной армии. Вот к празднику, значит, и подарок.

Кузьмич помолчал, сплюнул в снег.

– Подарок… Полроты под этой Дубровой уже положили. Ладно. Чего теперь. Время к вечеру, смеркается. Недолго осталось. Всяко лучше, чем жопу в снегу морозить и ни хре-

на не делать, только ждать. Помрём – значит, так тому и быть.

Я слушал Кузьмича внимательно, впитывал каждое слово. Информация сейчас для меня – самое ценное.

Про пушки усач, конечно, ошибается. Те, что стоят в деревне, бьют не по нам, а по нашему тылу. По полю кладут другие. Издалека, по наводке. Наблюдатель где-нибудь на чердаке сидит. Сразу видно, в военном деле Кузьмич не разбирается. Скорее всего, из простых ополченцев или что-то вроде того.

А вот насчёт местечка Холм сведения интересные. Немцев там зажали зимой сорок второго, и держались они до самой весны, пока другие фрицевские части не пробились. Город наши тогда так и не взяли.

Значит, с годом определились. Да и с месяцем тоже. Получается, меня закинуло в двадцать второе февраля сорок второго.

Твою ж мать! Аристов, руки бы тебе оторвать, гений недоделанный. Промахнулись на девять месяцев. И на тысячу с лишним километров. Хорошо хоть войну не перепутали.

Берлин, Цоссен, Вильдпарк – всё это теперь за линией фронта. По факту имеются трёхлинейка, пятнадцать патронов, а в качестве бонуса – тело двадцатилетнего пацана, которое цепенеет от каждого разрыва. И что теперь? Из винтовки до Цоссена точно не достреляешься.

– Вот сука… – вырвалось у меня против воли.

Кузьмич удивлённо крякнул:

– Ого. Ты чего, студент, никак браниться начал? Только вчера мне за выродков фашистских мораль читал. Мол, мы, русские люди, советские граждане, должны быть на порядок выше фрицев, нам так выражаться не положено. Чё-то такое втолковывал. А теперь, ты гляди-ка…

– Это литературное слово, – ответил я коротко.

– Ну да, ну да… – Кузьмич завозился, вытащил из-за пазухи кисет и обрывок газеты.

– Не надо. Огонёк в сумерках за версту видно. Думаешь, если в яме сидим, так не заметят? Вообще не факт.

Кузьмич замер с кисетом в руке. Посмотрел на меня долго, с прищуром, но кисет спрятал обратно.

– Гляди-ка… Контузия, студент, видать, на пользу тебе пошла. И то верно. Чего-то я не подумал.

Над деревней хлопнула и повисла осветительная ракета. Повисела, пошипела и погасла. Почти сразу выстрелила следующая.

Чёрт. Ситуация поганая.

Как стемнеет, рота пойдёт снова на штурм. Судя по сгущающимся сумеркам, где-то через час. Третий раз пойдёт. Чем это кончится, можно не гадать.

Сидеть в воронке до утра тоже не выход. Немец подождёт, прикинет, сколько нас тут осталось, и спокойно добьёт. Значит, надо брать ситуацию в свои руки. И самое первое – разобраться с пулемётчиком. Или пулемётчиками. Пока неясно,

сколько их.

Я с тоской глянул на край воронки. Сука… Хотел, где стреляют? Распишитесь, получите. Вздохнул и снова полез наверх.

Только поднялся, подполз к краю – пулемётная очередь прочесала поле. Как чувствует, тварина.

Вспышки били низко, у самой земли, из-под крайней избы справа. Ясно. Огневая точка в подполе, под нижним венцом. Ему оттуда всё как на ладони видно. Радует только одно – пулемётов у фрицев, похоже, больше нет. Этот единственный. Меня бы, конечно, устроило, чтобы вообще ни одного не было, но тут уж не до жиру.

Обернулся через плечо к Кузьмичу. Он наблюдал за мной молча, с явным удивлением. Аж рот немного приоткрылся.

– Ротный в той воронке, слева?

– Ну. – Кузьмич насторожился. – А тебе на что?

– Поговорить надо.

– Ты чего удумал, студент? Ротный сейчас злой как собака. А уж тебя увидит, взбесится ещё больше. Ты у него… как это говорят… персона нограта.

– Нон грата, – машинально поправил я Кузьмича, затем выбрался из воронки и пополз влево.

Пятнадцать метров по-пластунски – ерунда, если умеешь. Я умею. Проблема в том, что чёртов Чайка нет. Пока полз, обматерился. Задница упорно поднималась вверх, ноги куда-то выворачивались, башка норовила подняться выше по-

ложенного. Приходилось постоянно контролировать тело.

Очередная ракета вспыхнула, когда был уже неподалёку от воронки, где залёг ротный.

– Сука… – высказался сквозь сцепленные зубы.

Замер. Просто стал ещё одним бугорком на снегу. Таких тут хватало.

Как только ракета погасла – пополз дальше.

Ещё немного – и вот она, воронка. Перевалился через край, на спине съехал вниз.

Ротный оказался совсем молодым. Лет двадцать пять, не больше. Лицо чёрное от копоти, глаза красные. Злой, как собака, тут Кузьмич не соврал. В петлицах шинели два кубаря. Лейтенант, значит. Ну да, на войне так и есть. Карьерный рост быстрый.

– Чайка? – Он уставился на меня, как на привидение. – Ты какого лешего тут забыл? Я кому сказал – не высовываться?

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться? Уже темнеет, скоро пойдём в третий раз. Сколько нас осталось, товарищ лейтенант? И сколько их там?

Ротный глянул на меня так, будто я внезапно стал обладателем сразу двух голов и обе эти головы вдруг заговорили на китайском.

– Тебе-то на что? – Он помолчал, потом махнул рукой. – А, всё равно… Позавчера было сто двенадцать. Сейчас сорок семь штыков, и это с легкоранеными. Остальные вон, по полю лежат. Если больно любопытный, поди посчитай.

А немцев на нашем краю, разведка говорит, взвод. Человек тридцать, может, сорок. Ну и пушкари при гаубицах, этих не считаю.

Я на мгновение задумался, прикидывая, насколько верны данные лейтенанта.

По штату в стрелковой роте человек полтораста, а то и больше. Только дивизии сейчас идут в бой некомплектом: людей не хватает, винтовок тоже. Плюс марш по морозу – обмороженные, больные, отставшие. Вот и выходит сотня с хвостиком вместо полутора. А после неудачного штурма – дважды – как раз половина и осталась. Пожалуй, тут ротный прав.

Немецкий взвод, говорит, не больше сорока… Думаю, тоже верно. Только это, скорее всего, не взвод, а целая рота. Летом у фрицев роты были под две сотни. После Москвы их здорово потрепали, пополнения нет, и рота в тридцать-сорок человек для них сейчас обычное дело. Под Холмом, насколько помню, вообще сборная солянка собралась: тыловики, обозники, артиллеристы, все, кто под руку попал.

Но при этом немцы один чёрт в выигрышной позиции. Обороняться всегда дешевле.

В идеале, чтобы идти в лобовую атаку, нужно трое на одного. У нас и полутора не набирается. Так что идея ротного по поводу третьего штурма – самоубийственная. Понятно, ему выбора не оставили, но даже когда нет выбора, есть выход. Надо просто его найти.

– Ну вы же понимаете, товарищ лейтенант, – заговорил я снова после короткой паузы. – Не получится ни черта. Пулемётчик нас перещёлкает. Нужно действовать иначе, хитростью. Разрешите пойти вперед? Нужно убрать пулеметчика. Дайте мне полчаса. Подползу и сниму его. Как пулемёт замолчит, считайте до пяти и поднимайте роту. Только надо делать всё молча, без «ура». Вскочили и побежали. И ни в коем случае не падать на землю, когда взлетают ракеты. Бежать вперёд, как в последний раз. Главное – добраться до окопов как можно быстрее. А там уже рукопашная, разберёмся.

Лейтенант хмыкнул, вытер лицо рукавом, размазывая копоть.

– Ишь ты, стратег выискался. Пулемётчика он снимет… А остальные немцы что, спать будут? Там у них не один пулемётчик, студент. По огородам окопы нарыты, в избах стрелки сидят, за избами миномёты. Ну снимешь ты пулемёт. Дальше что? Нас из винтовок положат, а миномёты добьют. Немцу, между прочим, вперёд лезть незачем. Сидит в окопах да в избах, поле перед ним пристреляно. Ему Дуброву удержать надо, а не за нами по снегу бегать. Сами придём. Вот он и ждёт.

В общем-то, ротный по-своему прав. Если не считать того факта, что у нас нет выбора. Поступим, как я предлагаю, – возможно, не только выживем, но и деревеньку возьмём. Возможно – потому что за себя могу отвечать, за остальных

нет. Если останемся ждать, а потом побежим как дураки на пулемётные очереди – хана нам точно.

А я не для того оказался в прошлом, чтобы сдохнуть в первый же день. Задачу никто не отменял. Да, не Берлин. Да, не май. Но я в любом случае должен делать, что велено. Приказ. Как? Пока не знаю. Разберёмся.

– Из винтовок ночью много не настреляешь, товарищ лейтенант, – продолжил я увещевать ротного, – Не станет пулемётчика, мы получим шанс. Винтовки бьют на вспышку да на шум. А пулемёт метёт поле целиком, от края до края. На нём вся их оборона и держится.

– А миномёты? А пушки ихние?

– Пушки не достанут, слишком близко стоят от нас. По полю бьют те, которые находятся дальше, на приличном расстоянии от деревни. Главное, когда побежите, не ложиться, о чём и говорю. Ляжете – точно накроют. Но когда окажетесь возле окопов, гаубицы бить перестанут. Там же их пехота сидит. Миномёты, соответственно, тоже.

Лейтенант посмотрел на меня хмуро.

– Ты, Чайка, часом, головой не ударился? Пару часов назад от каждого разрыва в землю как крот закапывался, а сейчас, значит, лекции мне читаешь? – Он сплюнул в снег. Подумал. – Хотя… Чёрт с тобой. Хуже уже не будет. Ползи. Заткнёшь пулемёт – подниму роту. А если не получится… – Лейтенант пожал плечами. – Ну, значит, и спрашивать будет не с кого.

– Понял, – кивнул я и снова пополз наверх.

– Погоди, – окликнул меня ротный. – Ты где этого нахватался? Тактика, стратегия, оборона? Тебя на передовую прислали два дня назад. Первый бой.

Вот чёрт… Лейтенант-то не дурак. Хороший вопрос задал. Осталось придумать не менее хороший ответ.

Я посмотрел на ротного, улыбнулся как можно наивнее, пожал плечами:

– Так студент же, товарищ лейтенант. Книжек много читаю. Поначалу просто растерялся немного. Книжная война и настоящая больно друг от друга отличаются. А сейчас вон в воронке посидел, сразу мысли в кучу собрались. Жить-то охота. С Кузьмичом, опять же, покумекали. Он поопытнее будет, дал пару советов. Вот и нашли выход.

– Ну-ну, – задумчиво произнёс ротный. – Ну-ну.

Я не стал больше ничего говорить, двинул вперёд. Сомнения, которые могут возникнуть у ротного на мой счёт, пока что не так сильно волнуют, как ситуация с немцами. Сначала надо тут разобраться, а потом поглядим.

Глава 3

Не успел отползти на три метра от воронки ротного, уткнулся в погибшего красноармейца. Он лежал лицом в снег, широко раскинув руки, будто пытался обнять всю землю. Похоже, парень даже не понял, что произошло. Бежал, бежал – и всё закончилось. Может, оно и к лучшему. Быстрая смерть – она милостивая.

На ремне у красноармейца висела брезентовая сумка. Если сумка имеется, значит, там точно найдётся то, что мне сейчас будет кстати.

Я подполз, расстегнул клапан окоченевшими пальцами. Внутри обнаружились две лимонки. Ребристые, тяжёлые, с кольцами.

Прости, браток. Тебе они уже ни к чему, а мне в самый раз. Обещаю, потрачу с толком.

Снял сумку, повесил себе на ремень, сдвинул на бок, чтобы не сползала под брюхо. Лимонки под пузом, когда ползёшь по мёрзлой земле, – удовольствие ниже среднего.

Сзади, из воронки, донёсся приглушённый голос ротного:

– Гришин! Слышь, Гришин? Передать по цепи. Как пулемёт замолчит – по моей команде встаём все разом. Молча, без крика и суеты. Побежим до самых окопов. Не ложиться. Кто ляжет – лично пристрелю. Кто сдохнет – с того света достану и тоже пристрелю. Сейчас каждый штык на счету.

Повтори.

Из соседней ямы сипло забубнили, повторяя слово в слово то, что сказал лейтенант. Потом невидимый Гришин передал приказ ротного дальше, по цепочке. От воронки к воронке, от бугорка к бугорку.

Молодец, лейтенант. Не стал ждать, доберусь ли до пулемёта. А мог бы. Сначала глянул бы, чем дело кончится, и только потом стал бы решать, поднимать роту или нет. Значит, в успех всё-таки верит. Или ему просто деваться некуда. Скорее второе. Но сейчас и это годится.

Я ещё раз поправил сумку, винтовку взял за ремень у передней прорези, положил на предплечье, стволом вперёд.

Штык снимать не стал. Самая известная ошибка новобранцев, кстати. Они его первым делом отстёгивают: мешает, цепляется за всё подряд. А трёхлинейку, между прочим, пристреливали со штыком. Если снять, пуля уйдёт в сторону. Велика вероятность, что на восьмидесяти метрах промажешь хлеще пьяного.

Ещё следил, чтобы ствол не зарылся в снег. Набьётся в канал – при выстреле раздует, и привет. Будешь от немцев прикладом отмахиваться. Весело, задорно, но очень недолго.

Полз тихонько вперёд, а сам прикидывал расстояние.

До крайней избы оставалось метров двести пятьдесят. Чистая ерунда, если ножками прогуливаться по улице. Но очень сильно до хрена, если ползти по полю, которое немец изучил как родное и долбит по нему из пулемёта.

Чтобы не срисовали и не прострелили башку, двигался от тела к телу. Ракета – замер. Темнота – вперёд. Ракета – замер. Темнота – снова ползу. К счастью, сумерки сгустились уже настолько, что превратились в полноценную черноту. Самое то.

От напряжения, несмотря на мороз, по спине тёк пот, лицо горело.

Самое забавное, если это вообще применимо к нынешней ситуации, – ракеты взлетали с чёткими, одинаковыми паузами. Одна гаснет, через полминуты хлопает следующая. Хоть часы сверяй. Чёртовы бюргеры, даже на войне у них всё по расписанию.

Главное правило: пока ракета висит, не дёргаться. Вообще. Не паниковать, не прятать голову, не отползать. Человеческий глаз так устроен – неподвижное пропускает, а движение цепляет сразу. Лежит себе бугорок и лежит. Таких бугорков вокруг десятки. А шевельнулся – получи очередь.

Новички на этом и горят. Взлетает ракета, они с перепугу пытаются ввинтиться в снег, по этому движению их и находят.

Я дождался, когда снова наступит темнота, затем двинул вперёд. Полз, а сам матерился. Тело Чайки по-прежнему упорно отказывалось работать как надо. Задница всё так же норовила задраться к небу, локти разъезжались, валенки цеплялись за всё подряд. Будто тащишь на себе пьяного приятеля, который к тому же ещё и упирается. Опять приходи-

лось контролировать каждое движение. Локоть, колено. Локоть, колено. Как в учебке, на первом месяце.

Злиться на студента, впрочем, было глупо. Человек всю жизнь просидел над книжками, потом месяц-другой походил строем, получил винтовку – и вот он, фронт. Удивительно, что вообще пока ещё жив.

Хотя… Может, и не жив вовсе. Понятия не имею, почему устройство Аристова закинуло моё сознание именно в Чайку. Может, тот как раз умирать не хотел, хапнул то, что ему не предназначалось. В любом случае, на теле повреждений нет, значит, если и умер, то от разрыва сердца или от какого-нибудь инсульта. Трусоватый парень, мог разнервничаться.

Потом мелькнула мысль: а что, если Чайка всё-таки ни чёрта не помер? Что, если его сознание тоже где-то внутри? Вот я идиот. Не додумался расспросить Аристова, куда девается то, что было до моего появления. Рвался оказаться на месте подопытного и такие важные детали упустил. Торопился успеть до того, как болячка совсем прижмёт. Ну, сейчас-то уже не узнаешь. Да и не до этого пока что.

Немцы тоже не сидели просто так. Пулемёт время от времени оживал и прочёсывал поле. Не прицельно, наугад, по бугоркам. Для профилактики.

Один раз очередь легла совсем рядом.

Чёртово тело тут же сжалось. Пальцы вцепились в снег, челюсть свело так, что в висках застучало, сердце заколоти-

лось где-то в горле. Опять двадцать пять.

Не сейчас, парниша. Потом трясись сколько влезет. Хоть до утра. А сейчас работаем.

Злость помогла лучше, чем счёт. Пальцы разжались. Тело ещё подрагивало, но снова поползло. Неохотно, как старый мерин в гору.

Вот ведь зараза. Пулемёт, ракеты, враг – со всем этим я знаю, что делать. Много лет только этим и занимался. А как быть с собственным телом, которое в самый неподходящий момент решает, что ему страшно? Договариваться? Не умею. Значит, будем ломать. Всё равно другого носителя у меня нет и не предвидится.

Метрах в восьмидесяти от избы лежал убитый фриц. Крупный, широкий, в серой шинели, уже припорошённой снегом. Лежал на боку, поперёк хода, подогнув колени, будто прилёг отдохнуть. Как он тут оказался, чёрт его знает. Может, вчера контратаковали, может, разведка нарвалась. Неважно. Главное, лежит он удобно. Лучше бруствера не придумаешь.

Устроился за ним, положил винтовку ему на бок. Фрицу всё равно, а мне упор.

Отсюда амбразуру было видно хорошо. Узкая щель под нижним венцом избы, в которой сплошная темнота. Ветер тянул от деревни, и вместе с ним долетали голоса. Немцы разговаривали негромко, но и не особо таясь. А чего им таиться? При такой-то позиции.

– Scheißkälte. Die Iwans kommen heute Nacht wieder, wetten? (Холод собачий. Иваны ночью опять полезут, спорим?)

– Sollen sie kommen. (Пусть лезут.)

– Und wann kommt die Ablösung? (А смена когда?)

– Um Mitternacht. Wenn sie es nicht wieder vergessen. Gib mal Feuer, Willi. (В полночь. Если опять не забудут. Дай-ка огоньку, Вилли.)

Судя по голосам, в подполе трое. Классический расчёт: первый номер, второй и подносчик. Остальные, видать, греются наверху, в избе.

Смена в полночь. Я мысленно усмехнулся. Какие самоуверенные ребята. Они просто ещё не знают, что сменять к полуночи будет некого.

Вилли чиркнул спичкой и, как водится, прикурил первым – своя рубашка ближе к телу. В темноте затлел красный огонёк сигареты. Вот ведь молодцы. Облегчили мне задачу.

Я осторожно навёл ствол на огонёк, замер. Мушки в темноте не видно, прицела тоже. Запомнил точку, приготовился ждать ракету.

Сердце колотилось настолько сильно, что отдавало в приклад. Чёртов студент! Стрелять в таком состоянии – всё равно что вдевать нитку в иголку в трясущемся грузовике. Снова начал дышать. Медленно, глубоко. Терпи, Чайка. Сейчас всё будет.

Ракета хлопнула через полминуты, как по расписанию.

Поле залило белым светом, мёртвым и холодным. Время, как это всегда бывает в такие моменты, вдруг растянулось и замедлилось, словно патока, которая перетекает через край. Я видел всё сразу и очень чётко: тонкую струйку дыма над амбразурой, иней на брёвнах, тёмный край немецкой каски чуть выше огонька.

Мушку под каску. Выдох. Палец сам выбрал свободный ход спуска. Чужой палец, студенческий, но движение было моё. Тысячи раз повторённое, вбитое в голову так глубоко, что его не смог выбить даже перенос через восемьдесят с лишним лет.

Выстрел. Приклад толкнул в плечо. Каска дёрнулась и пропала.

– Willi! Willi! Sanitäter! (Вилли! Вилли! Санитара!)

Второй номер сориентировался быстро. Схватился за пулемёт и дал очередь в поле. Длинную, на полленты. Палил в белый свет, лишь бы палить, чтобы заглушить собственный страх. Фрицы никак не ожидали, что кто-то может оказаться настолько близко, да ещё и снять одного из них. Вспышки рвались из амбразуры, как сумасшедшие.

Я чуть не рассмеялся вслух. Этот придурок только что сам себя подсветил.

Взял чуть выше вспышек, плавно потянул спуск. Пулемёт поперхнулся и замолк окончательно.

В избе заорали, затопали сапоги. Но наверху, не в подполе. Ещё одна ракета взлетела вверх. В щели мелькнуло блед-

ное пятно лица. Третий тянулся к пулемёту, чтобы снова дать очередь. Пошёл на хрен, не сегодня.

Я выстрелил.

Всё. Больше желающих добраться до пулемёта не нашлось. Остальные фрицы попрятались в комнате. Три патрона потратил. Осталось двенадцать.

Ну, лейтенант, не подведи. Сделай всё, как надо. Один, два, три, четыре, пять…

– Рота… Вперёд! – донеслось сзади.

Не крик даже – хриплый рык, вполголоса. И почти сразу по всему полю захрустел снег.

Я не выдержал, обернулся.

Над полем как раз повисла очередная ракета – в белом свете я увидел нашу роту. Вернее, её остатки.

Тёмные фигуры вылазили из воронок, поднимались из-за кочек, из-за убитых. Одна, вторая, десятая. Пригибались, проваливались в снег, но бежали вперёд. Тяжело, неуклюже, кто с винтовкой наперевес, кто держа её за цевьё, как палку. Без «ура». Только хруст снега, хриплое дыхание и мат сквозь зубы.

Ракета висела, а они не ложились. Ни один.

Ай да лейтенант. Ай да сукин сын. Получилось.

Немцы спохватились секунд через десять.

– Alarm, die Russen! (Тревога, русские!)

– Wo bleibt das MG?! (Где пулемёт?!)

А нет больше пулемёта, ребята. Кончился. Вместе с Вилли

и его сигаретой.

Пули засвистели над полем. Кто-то из наших споткнулся и не встал. Кто-то вскрикнул, схватился за плечо, но продолжал бежать.

А вот мне двигаться пока рано. Рота ещё в двухстах метрах, я в восьмидесяти. Рвану сейчас – окажусь в немецких окопах в гордом одиночестве. Это будет чрезвычайно героически, красиво и очень недолго. Моя работа на данный момент – прикрывать своих. Так больше пользы.

Деревня проснулась разом, как разворошённый муравейник. Самое смешное – немцы настолько прибалдели от внезапности происходящего, что своими выстрелами за минуту показали мне весь расклад. Бери да записывай.

В крайней избе справа, той самой, где совсем недавно сидел мой дружок Вилли, засуетились. Из окна хлопнул выстрел, за ним второй. Там осталось человека три-четыре, не больше. Левее, в соседней избе, ударили сразу из двух окон. Ещё пара стрелков. А вдоль огородов, за плетнём, вспышки побежали цепочкой, одна за другой. Окоп. Он начинался прямо от угла крайней избы и тянулся влево, вдоль всего края деревни. Вот там фрицев сидело больше всего, с десяток, а то и полтора.

Плюс миномётчики где-то за избами, плюс кто-то дальше по деревне. Тридцать-сорок, как ротный и говорил. Сходится.

А потом за избами глухо тукнуло. Раз, другой. Будто кто-

то хлопнул ладонью по пустой бочке.

Миномёты. Два ствола, судя по звуку. Стоят на задворках, за домами: нас оттуда не видно, нам их отсюда тоже. Значит, корректирует кто-то из окопа.

Мина летит медленнее звука. Сначала слышишь выстрел, потом секунд пятнадцать тишины. Новобранец за это время успевает раз десять попрощаться с мамой. Я потратил эти секунды с пользой. Прикинул, куда упадёт. По идее, не туда, где я залёг. Очень хорошо.

Сверху зашелестело, будто над головой рвали старую простыню. Шелест сорвался в короткий вой, и метрах в тридцати впереди меня, между мной и плетнём, рвануло. Глуховато, как в подушку: мина ушла в глубокий снег. Снег встал серым столбом, а когда осел, на нём осталась чёрная клякса с лучами. Рядом тут же легла вторая.

Ясно. Пристреляли полосу перед окопом. Бьют не по роте, а туда, куда рота сейчас прибежит. Главное – не останавливаться. Надеюсь, мужики наказ не забыли. Кто эту полосу проскочит, у того есть шанс.

Нам фантастически повезло, что снег рыхлый, осколки вязнут. На голой мёрзлой земле такая мина выкосила бы всех вокруг.

Я перевёл ствол на окно соседней избы. Немец стрелял оттуда из одной точки, не меняя позиции: вспышка, пауза, снова вспышка на том же месте. Какой молодец. Видать, замёрз и обленился. Я выстрелил, вспышки прекратились.

Следующий бил из окопа, левее, прямо из-за плетня. Этот оказался поопытнее: после каждого выстрела нырял вниз. Только выныривал всё равно в одном и том же месте. Я снова поймал момент, выстрелил.

Затвор клацнул впустую. Магазин пуст. Вогнал обойму, большим пальцем продавил патроны вниз. Пять. Плюс одна обойма в подсумке. Десять на всё про всё. Негусто, но жить можно.

Где-то позади, посреди поля, тяжело ухнуло. Потом ещё и ещё. Земля вздрогнула, на спину посыпался снег. Миномёты так не бьют, у тех звук короче и злее. Дальние батареи наконец проснулись и начали класть снаряды по пристрелянному. Туда, где рота по всем правилам должна была залечь под ракетами и где её удобно перемолоть в кашу.

Только рота не залегла. Снаряды рвались на пустом поле, за спинами красноармейцев, поднимая фонтаны снега и мёрзлой земли. А бойцы, как оголтелые, неслись вперёд.

Мимо, с громким пыхтением и хрипом, протопал кто-то из наших. Потом ещё двое. Тут же рядом со мной рухнул в снег Кузьмич. Лицо красное, глаза шальные, ушанка съехала набекрень.

– Студент! Живой! Ну ты… Ну, мать твою… Это ж ты его, что ли? Пулемётчика?

– Потом, Кузьмич, – отмахнулся я. – Повезло, сам не понял как. Сейчас двинем вперёд. Очень быстро двинем.

Поднялся и побежал.

Тело на этот раз не спорило. Видимо, до него наконец дошло, что впереди безопаснее, чем сзади. Ноги несли сами. Валенки проваливались в снег, шинель путалась в коленях, дыхание рвалось из груди с хрипом, а в боку закололо уже метров через двадцать. Ничего. Восемьдесят метров. Их даже чёртов студент должен пробежать.

За избами снова тукнуло, и почти сразу ещё раз. А мы как раз в той самой пристрелянной полосе. Рвануло слева, потом впереди, совсем близко. Обдало снегом, в ушах зазвенело. Кто-то рядом охнул и повалился лицом в снег.

Не останавливаться. Только не останавливаться.

Взлетела ракета, и всё поле стало чёрно-белым, как старая фотография из семейного альбома. Длинные тени бегущих, пар изо ртов, чьё-то перекошенное лицо. Впереди, чуть левее, бежал ротный. Шинель нараспашку, наган в руке. Молодой, шустрый, рвётся вперёд, как на стометровке.

Дурак. Командир должен вести роту, а не бежать впереди неё под пули. Но сейчас, пожалуй, правильный дурак. Красноармейцы видят его и бегут следом, за командиром. Психология, мать её так.

Из окопа вылетело что-то тёмное, кувыркнулось в воздухе.

– Колотушка! – заорал ротный.

Немецкая граната на длинной деревянной ручке шлёпнулась в снег метрах в десяти. Рвануло. Следом полетела вторая, третья.

Ага. Фрицы подпустили нас на бросок гранаты. Значит, мы уже близко. Миномёты сейчас замолчат. Мина не пуля, ровно в тридцати метрах от своих её не положишь. Чуть ошибся – и накрыл собственный окоп.

Через пару секунд за избами действительно перестало бухать. Всё, как я обещал ротному.

Крайняя изба выросла передо мной чёрной стеной. Внизу, под нижним венцом, – та самая щель.

На бегу выдернул из сумки лимонку. Кольцо, бросок. Граната нырнула в амбразуру, как письмо в почтовый ящик. Под полом глухо рвануло, из щели вырвалось облачко дыма.

Перестраховка? Пусть. Именно благодаря ей я и дожил до шестидесяти.

От угла избы начинался окоп. Неглубокий, по пояс, зато обложенный снегом и обледеневший. Из него торчали каски.

Немец, ближайший ко мне, как раз поднимал винтовку. Не на меня – на кого-то из наших, бежавшего левее. Увидел, что я рядом, в последний момент, начал разворачиваться.

Не успел.

Прыгнул в окоп, прямо на него. Штык вошёл фрицу под рёбра. Он охнул, выронил винтовку и медленно сел, удивлённо глядя на меня снизу вверх. Совсем мальчишка. Чуть старше Чайки. Губы шевельнулись, будто он хотел что-то сказать. Мать, наверное, позвать. Они все в конце зовут мать. На любом языке. Вот и сидел бы дома, придурок, у мамки под юбкой. Не хрена было лезть к нам.

Выдернул штык. Не думать. Потом. Всё потом.

Справа, со стороны избы, по окопу кто-то бежал. Тяжело, топая сапогами по мёрзлой земле. Видать, из того самого крайнего дома. Через мгновение из-за поворота выскочил немец. Здоровый, в каске, в руках автомат. МР-40, который у нас потом почему-то все будут называть «шмайсером», хотя Шмайссер к нему почти никакого отношения не имел. Автомат у немцев сейчас носит в основном командир отделения. Значит, этот у них за старшего.

Выстрелить я не успевал: пока вскину винтовку, он меня нашинкует. Поэтому сделал единственное, что оставалось, – нагнулся и рванул вперёд, под ствол. Очередь ушла над головой, в стенку окопа, но я уже был рядом. Ударил прикладом снизу, в подбородок. Что-то громко хрустнуло. Немец отлетел к стенке и сполз по ней.

Ну надо же. Тело Чайки неожиданно сработало как следует. Удар вышел такой, что сам удивился. Молодость, ё-моё. Дури один чёрт немерено. Ладно, браток, глядишь, всё у нас получится. Подскочил к фрицу, добил.

– Студент, сзади! – заорал Кузьмич.

Я развернулся. С другого конца окопа на меня шёл немец со штыком. Медленно, пригнувшись, грамотно. Этот, похоже, в рукопашной кое-что понимает. Только дойти не успел.

Кузьмич прыгнул на фрица сверху, прямо ему на спину, всей своей тушей. Они покатились по дну, сцепившись, как два дворовых пса. Немец, молодой и злой, вывернулся, ока-

зался сверху, потянулся к горлу Кузьмича.

Я метнулся к дерущимся. Ударил штыком сверху вниз, между лопаток. Немец обмяк.

Кузьмич выбрался из-под него, сел, ошалело хватая воздух ртом. Ушанку потерял, усы в снегу и в крови. Чужой, к счастью.

– Ты… ты где этому… – прохрипел он. – Я ж тебя, студент, за дитё держал. А ты…

– В книжках, Кузьмич. Много читаю. Ну а остальное ты подсказал…

– Я? – удивился он.

– Конечно. Вспомни, два дня меня жизни учил.

Вообще, конечно, тыкал я сейчас пальцем в небо. Но тут надежда снова была на чистую психологию. Кузьмич на фронте не первый день. Мужик он простой, свойский. Такой непременно взял бы студента под крылышко и начал бы учить уму-разуму. Большая часть этого «ума», конечно, просто трёп, но, опять же, такой человек, как Кузьмич, если ему сказать, что это он наставил парня на путь истинный, даже не подумает спорить. Хотя сам не вспомнит, а что он вообще говорил Чайке. Главное – результат есть.

– Ну да… было дело, – согласился Кузьмич. – Сразу понял: толк из тебя будет, студент. Молодец, что слушал меня. Вот и говорю: с Кузьмичом не пропадёшь.

Мы рванули дальше по окопу. Тут уже вовсю шла рукопашная. Хотя я бы скорее назвал это не рукопашной, а насто-

ящей свалкой. Хрип, мат, удары, короткие выстрелы в упор. Кто-то кричал по-русски, кто-то по-немецки.

Сразу за изгибом двое наших прижали к стенке здоровенного немца. Один вцепился в его винтовку и не отпускал, второй, коренастый, без шапки, молотил фрица сапёрной лопаткой. Без замаха, коротко, раз за разом, будто дрова колол. Грамотно, между прочим. В тесном окопе со штыком толком не развернёшься, а лопатке размах не нужен.

Чуть дальше какой-то совсем зелёный парнишка стоял над убитым немцем и никак не мог выдернуть штык. Дёргал винтовку на себя, всхлипывал и матерился одновременно. Кузьмич подскочил к парню, упёрся валенком фрицу в грудь, рывком освободил штык и пихнул бойца в спину:

– Не стой столбом, дурень! Убьют!

Парень моргнул, кивнул и побежал за нами.

Я быстро прикинул, сколько наших добралось до окопов. Чисто навскидку выходило человек тридцать. Немцев по домам оставалось с десяток, расчеты на гаубицах, минометчики. Да ещё несколько выскочили на подмогу. Но это уже ничего не могло изменить.

Продержались фрицы пару минут. Потом те, кто ещё мог, полезли из окопа назад, побежали к избам. Ракеты над деревней больше не взлетали.

Ротный обнаружился через несколько метров. Стоял, привалившись плечом к стенке окопа, и бил из нагана в спины отходящим немцам. Выстрел, ещё выстрел. Потом наган су-

хо щёлкнул вхолостую.

Лейтенант выругался, полез в карман за патронами. Перезаряжать наган – удовольствие то ещё: по одному патрону, через дверцу. В бою это целая вечность.

– Гришин! – рявкнул он. – Гранату им вдогонку!

Гришин, тот самый невидимый, что передавал приказ по цепи, оказался долговязым парнем с гусиной шеей. Он выдернул кольцо, швырнул лимонку вслед бегущим и тут же присел за бруствер. У плетня грохнуло, кто-то по-немецки завыл в голос и затих.

Я остановился, посмотрел по сторонам. Потом не выдержал и покачал головой, недоумевая с того, что реально всё получилось.

Твою ж мать… Мы взяли край деревни.

Ротный наконец справился с наганом, защёлкнул дверцу и тут заметил меня. Задержался взглядом. Долго, внимательно, будто через прорезь прицела смотрел.

– Всё-таки справился с пулемётом, Чайка?

– Справился, товарищ лейтенант. Повезло! – с комсомольским энтузиазмом рявкнул я.

– Ну-ну, – сказал ротный. Точно так же, как недавно, в воронке. – Потом поговорим.

Потом так потом. Главное, чтобы это «потом» у нас обоих наступило.

Я выглянул из окопа. В темноте чернели дома. Немцы закрепились внутри и ждали. За избами, на задворках, молча-

ли миномёты. Пока молчали. Как только фрицы сообразят, что в окопе остались одни наши, начнут класть снаряды прямо сюда. Пристреливать им ничего не надо, окоп они сами копали. Значит, оставаться на месте нельзя.

Ротный, похоже, думал о том же.

– Раненых – на дно, под стенку! – крикнул он красноармейцам. – Гришин, левый край на тебе, держи! Остальным собрать гранаты, у фрицев тоже! Сейчас избы брать будем!

Соображает лейтенант. Пока немцы приходят в себя, каждая минута работает на нас. Будем тупить, потеряем преимущество.

Я снова глянул налево, направо. Рядом лежал убитый немец. Из-за голенища сапога у него торчали колотушки. Две штуки.

Взял обе. Сейчас всё пригодится. Потому что теперь мне предстоит работа, которую я знаю лучше всего. Будем зачищать избушки от фрицев.

Тук-тук, немчура. Дядя Сыч в гости пришёл.

Глава 4

Сыч, может, и пришёл. Только знать об этом, кроме самого Сыча, никому не положено.

Эта весьма здравая мысль догнала меня, когда я уже взялся за край окопа, чтобы вылезти. Догнала и придержала, как рука за шиворот.

Я сполз обратно на дно, сделал вид, что поправляю валенок. А сам быстро прикинул, сколько успел наворотить за последний час. Из лучших побуждений, конечно, но всё-таки. Вернее, формулировка «лучшие побуждения» здесь не совсем уместна. Просто тупо вытаскивал свою задницу из крайне поганой ситуации. Ну и заодно все задницы, которые оказались рядом.

Снял пулемётный расчёт – три выстрела, три трупа. Это раз. Уложил двоих фрицев в окопе на глазах у Кузьмича. Это два. Ротному прямым текстом сказал: пулемёт – моя работа. Это три. А ещё раньше, в воронке, прочитал лейтенанту целую лекцию по тактике: как ползти, когда вставать, почему не ложиться под ракетами. Потом свалил всё на Кузьмича, который об этом ни сном ни духом – четыре.

И все вышеперечисленные героические подвиги совершил рядовой Чайка. Студент, который, если верить словам сослуживцев, ещё днём от каждого разрыва в снег закапывался.

Для одного вечера, пожалуй, многовато.

Ракитин перед отправкой предупреждал: со своими надо быть аккуратнее. Я тогда пропустил это мимо ушей. Какие свои в Берлине сорок первого? А вот поди ж ты. Своих теперь навалом. Вот они, кругом. И для них студент, который воюет как разведчик с сорокалетним стажем, никакой не герой, а крайне подозрительная личность.

Его, как только пыл боя утихнет, первым делом отведут к особисту. Или к любому, кто работает с предателями и диверсантами. А там разговор короткий: откуда умеешь, кто учил, на кого работаешь? Скажу правду – отправят в дурку. И это лучший вариант развития событий. С большой долей вероятности вместо дурки будет что-то похуже. Совру, начну сочинят то, чего в биографии Чайки не было, – рано или поздно все равно вскроется правда. Итог один – большая и очень глубокая жопа.

Значит, так. Отгеройствовал – и хватит. Дальше Чайка воюет как все. Ну, почти как все. Просто везёт ему, дураку. На войне такое бывает. Новичкам вообще поначалу везёт, это любой фронтовик подтвердит.

С деревней разберёмся, потом сяду и спокойно подумаю, как быть дальше.

Я оставил валенок в покое, посмотрел на ротного. Он был занят тем, что пересчитывал своё войско. Лазил по окопу, пригнувшись, тыкал то в одного, то в другого и беззвучно шевелил губами. Потом выпрямился, провёл ладонью по ли-

цу, будто пытался стереть с этого лица копоть и усталость. Затем обернулся куда-то в темноту и спросил:

– Сержант Бондаренко! Башка совсем не соображает. Сколько у нас штыков осталось?

– Двадцать девять, товарищ лейтенант, – ответили ему из темноты. – С вами вместе. И раненых шестеро. Тяжелые. Остальные…

Бондаренко замолчал.

– Да знаю я, что с остальными! – огрызнулся лейтенант. – Значит, так… Слушай приказ! – Ротный говорил негромко, но так, чтобы слышали все. – Делимся на группы. Гришин! Ты берёшь троих, остаёшься здесь, с ранеными. Приказ всё тот же, левый край твой. Полезут с той стороны – бей гадов так, чтобы с них говно во все стороны летело. Бондаренко! Ты берёшь четверых. Дуйте ко второй избе. Сам за старшего. Савельев! Тоже идёте пятёркой. На вас третий, четвёртый дом и ещё два по улице. Ефимов! Берёшь тоже четверых. Двигаетесь огородами, задворками, к миномётам. В лоб не лезть! Подобрался, залёг и ждёшь, пока мы с другого края зайдём. Левшин, твоя пятёрка по соседней улице идёт параллельно Савельеву.

Ротный перевёл дух, обвёл всех взглядом.

– В темноте своих не перестреляйте. Кто идёт – окликать: «Тула». Отвечать: «Тамбов». Не ответил – значит, фриц. Взяли избу – сразу дайте мне знать, я должен понимать ситуацию. Если совсем прижали фрицы – тоже посыльного. И

это… товарищи… – лейтенант помолчал, потом добавил: – Давайте выживем всем гадам назло. Гранаты у кого есть – делить поровну. Убитых немцев осмотреть, забрать оружие. Избы постараться уберечь – нам в них ещё ночевать… если повезёт. Вопросы?

– Вопросов не имеется, товарищ лейтенант, – ответил Гришин, он стоял ближе всех.

Остальные коллективно буркнули, что всем всё понятно.

– Вот и молодцы, – невесело усмехнулся ротный. – Значит, так, ребятушки. Чем быстрее возьмём всю деревню и выкурим немчуру, тем быстрее сможем дух перевести.

Я молча слушал приказы, вообще пока никуда не лез.

Людей, кстати, лейтенант распределил грамотно. Группы по пять, у каждой старший и своя задача, пароль на ночь, связь после каждого дома. Я бы и сам почти так же сделал. Почти.

По-хорошему, миномёты надо брать первыми, пока немцы не очухались. Но говорить это вслух не стал. Студенты командирам своё мнение не высказывают. Особенно в моём случае. Пока вроде бы ротный делает всё относительно правильно. Обойдётся без моих подсказок. Если уж совсем затупит, тогда как-нибудь вмешаюсь. Пока не очень понимаю, как, но придумаю.

– Кузьмич, Чайка, и вы двое – со мной, к крайней! – Лейтенант махнул наганом в сторону избы. – Остальные – по группам и вперёд! Шевелитесь, пока фриц не опомнился!

«Вы двое» – это коренастый с сапёрной лопаткой и тот самый зелёный парнишка, что никак не мог выдернуть штык из немца. Оба рядовые. Коренастого я про себя сразу окрестил Лопатой. Так проще. Парнишку – Малым. Он и правда был мелкий, шинель висела на нём, как на вешалке. Один чёрт, имён не знаю. А спрашивать – себе дороже.

Крайняя изба стояла к окопу торцом. В торце виднелось окно, тёмное, без стекла. То ли выбили, то ли фрицы сами вынули, чтобы стрелять было сподручнее. Дверь, понятное дело, расположена с другой стороны, выходит на улицу. Если обойти угол, пройти вдоль стены и снова свернуть – как раз попадём к крыльцу.

Ротный полез из окопа первым. Крайне энергичный товарищ, надо признать. Прётся в самое пекло впереди своих бойцов. Либо реально не понимает, что командир – это голова, а голову под пули подставляют только идиоты. Либо так он удолбался с этой Дубровой, что готов грудью лечь на амбразуру, лишь бы штурм состоялся и благополучно завершился взятием деревеньки.

За лейтенантом выстроились Лопата, Малой и Кузьмич. Я встал последним. Самое правильное место для студента, который боится. И самое удобное, чтобы видеть всех сразу, но чтобы они не видели меня. А вернее, то, что буду делать.

Немцы пока молчали, видимо, переваривали случившееся и соображали, что делать. Наша сильно усечённая рота ухитрилась закрепиться на окраине деревни, но немцам точ-

ное количество атакующих неизвестно. У страха, как говорится, глаза велики: они сейчас ошибочно полагают, что нас гораздо больше. Вот и затихли. Ненадолго.

Миномётчики тоже помалкивали. Сейчас бить нельзя: в крайних избах ещё сидят их же камрады. Только ракеты из глубины деревни начали взлетать снова. Реже, чем час назад, но всё же. Фрицы хотели видеть, что творится на окраине.

– Смотри, студент, чтобы сзади никто не подобрался, – тихонько наказал мне Кузьмич. – Это твоя основная задача.

Я молча кивнул.

Наша группа вереницей двинулась вперёд.

Вдоль дома снега намело по колено. Шли тихонько, стараясь не обнаружить своего присутствия. Каждый раз, когда над деревней хлопала ракета, замирали и вжимались в брёвна. В избе стояла тишина. Нехорошая такая тишина, внимательная. Ещё минут десять назад оттуда стреляли из окна, теперь ни звука. А по моим подсчётам должно быть не меньше двух немцев. Это в лучшем случае. Но может быть и четверо.

Очень сомневаюсь, что фрицы покинули своё укрытие. Им некуда бежать из этой избушки. Да и потом, поди, уверены, что из засады быстро разберутся с русскими, если те сунутся в дом.

Под окном прошли, согнувшись в три погибели. Ротный, за ним Лопата, Малой, Кузьмич. Я тихонько притормозил, прислушался. За стенкой раздался шорох. Еле слышный. Та-

кой, что и не различишь, если специально не стараться. Я старался изо всех сил.

Причём шорох отдалялся от окна, а не приближался к нему.

Ай-яй-яй… Это кто у нас такой хитрожопый?

Фрицы, похоже, двигаются внутри дома ровно в ту сторону, куда идёт наша группа. То есть к крыльцу. И если они не проявляются, стараются не шуметь, значит, их там значительно меньше, чем нас. А еще значит, что гады готовят какой-то крайне неприятный сюрприз.

По-хорошему, надо бы отправить одного в окно, чтобы подобрался сзади. Остальные пусть создают видимость активности перед входом в дом. Но опять же, если скажу это вслух, только проблем себе создам. А толку особо не будет. И Лопата, и Малой, и Кузьмич не профессионалы. Эти, если попробуют забраться к фрицам в тыл, только шуму наведут.

Проблема в том, что судя по всему, рота у нас сборная. В основном Московские добровольцы – студенты, рабочие, служащие. Плюс остатки каких-то частей, которые где-то выбили, а уцелевших перекинули сюда. Вроде того же Кузьмича. Воюют мужики на чистом энтузиазме и опыт у них чисто полевой.

А деревня – совсем другое дело. В поле главное – масса и скорость. Добежал, не залёг, задавил числом. В избах всё наоборот. Тут масса только мешает. Сбились кучей у крыльца – готовая мишень. Дверь простреливается, окно простре-

ливается, на чердаке может сидеть кто угодно, в подполе тоже. Каждая изба – маленькая крепость, и брать её надо не толпой, а с умом. По двое-трое: один работает, другой прикрывает. В дверь не ломиться, если можно зайти с тыла, через окно. И смотреть не только вперёд, но и вообще во все стороны.

Только кто ж им это объяснит? Настоящих уличных боёв, таких, какие потом будут в Сталинграде, Красная армия ещё не видела. А я эту науку уже прошёл. В Грозном. Нас ведь тоже учили воевать в поле. А потом закинули в город, где стреляют из каждого окна, из каждого подвала. Первые дни мы точно так же лезли в двери толпой. Пока не поумнели. Те, кто дожил.

Ладно… Всё сам, всё сам… Тем более, в подполе остался пулемёт. Цел ли он после гранаты, не знаю. Но нам будет очень кстати, если все-таки цел.

Ротный свернул за угол и повёл группу вдоль длинной стены, к улице. Я потоптался на месте, потом присел, привалился спиной к брёвнам, принялся старательно поправлять валенок. Второй раз за вечер. Самому тошно от того, каким придурком выгляжу, но так будет лучше.

Выждал пару секунд, выглянул из-за угла.

Ротный вдруг вскинул руку, группа замерла у края стены. Ещё шаг – и окажутся как раз за следующим углом, перед крыльцом.

Сначала не понял, чего он встал. Потом сообразил.

Крыльцо выходит на улицу, и она, эта улица, прекрасно простреливается из соседней избы, куда лейтенант отправил Бондаренко. Высунешься – моментально снимут. Ротный ждёт, когда наши прижмут соседей или хотя бы проверят наличие фрицев.

Отлично. Значит, у меня есть пять минут. Может, семь. Зависит от того, насколько шустрый сержант Бондаренко.

Я тихонечко сдал назад, вернулся к окну. Подоконник оказался на уровне подбородка.

Просунул винтовку в окно, аккуратно опустил на пол. Отстегнул сумку, в которой осталась одна лимонка, и так же аккуратно пристроил рядом. Две немецкие колотушки вытащил из-за ремня, положил рядом со стенкой, на снег. Затем осторожно подтянулся на руках, стараясь даже не дышать, одним движением перевалился через подоконник.

Не знаю, каким чудом мне удалось заставить тело Чайки действовать как надо. Не громыхать, не пыхтеть, не производить вообще ни звука. Наверное, оно просто смирилось, что теперь приказы отдаёт какой-то псих, и перестало сопротивляться.

Подумал немного, потом аккуратно снял валенки. Сначала один, затем другой. Сам по себе войлок тихий, но на подошву налип снег. Будет скрипеть.

Взял винтовку, на цыпочках двинулся вперёд. Ноги моментально заледенели – по хрену. За пять минут не отвалятся.

Добрался до угла, который ближе всего к выходу из комнаты, замер. И в этот момент услышал шёпот.

Говорили двое, в сенях.

– Sie kommen. Wer zuerst an der Tür ist, kriegt eine Kugel. Schieß direkt durchs Holz. (Идут. Кто первым окажется у двери, получит пулю. Стреляй прямо через доски.)

– Und die anderen? (А остальные?)

– Die wollen ihn dann wegziehen. Dann mache ich leise die Tür auf und werfe die Handgranate raus. (Остальные полезут его оттаскивать. Тогда я тихонько приоткрою дверь и выкину гранату.)

Ага. Все-таки двое. Сидят у самой двери, ждут гостей. С подарочком.

Пальцы начали расстёгивать шинель раньше, чем мозг сообразил, что я делаю. Мне сейчас всё это советское обмундирование – одна сплошная помеха.

К счастью, группа ротного, которая очень старалась быть неслышной, на самом деле производила столько шума, что мама не горюй. К счастью для меня, конечно. Они постоянно переступали с ноги на ногу, отчего снег скрипел, как несмазанная дверь, пыхтели, сопели, что-то даже шептали. Что именно – не понять, но их бу-бу-бу из-за стены слышалось прекрасно. Идиоты, твою мать…

Впрочем, сейчас всё это только на руку. Ротный и его команда отвлекают двух фрицев от того, что происходит в комнате.

Снял шинель, положил её возле стены. Тут со стороны соседней улицы раздались наконец выстрелы и громкие крики. Похоже, одна из групп вступила в бой.

Пользуясь фоновым шумом, отомкнул штык. Нажал защёлку, провернул, стянул со ствола.

По сути, теперь в моей руке была четырёхгранная игла длиной почти в локоть. Рукояти никакой, только трубка, которой штык садится на ствол. Колоть таким удобно, держать – не очень. Перехватил за трубку, как шило. Шило и есть. Только большое.

Через секунду захлопало у соседней избы. Бондаренко приступил к выполнению своей задачи. То есть отсчёт пошёл.

Я выдохнул, затем вдоль стены двинулся к дверному проёму. Надо ускоряться. И так уже две минуты потратил.

Моя задача – убрать немцев тихо. Так тихо, чтобы даже свои не спалили.

Добрался до выхода в сени, прижался к косяку. Выглянул.

Темнота там стояла – хоть глаз выколи. Но в двери, той самой, что выходит на крыльцо, серели щели. Тонкие, еле заметные. Мне и этого хватило. На их фоне фрицы проступали двумя тёмными пятнами.

Один стоял на колене у самой двери, чуть сбоку, и целился в доски на уровне груди. Второй сидел на корточках у стены, шагов на пять ближе ко мне. Из его кулака торчало что-то длинное.

Колотушка. Колпачок, ясное дело, уже открутил, шарик со шнурком наготове. Ждёт, гад, дорогих гостей.

Оба сидели ко мне спиной. Оно и понятно. Всё их внимание было там, на улице, где за углом топтались, сопели и бубнили наши. А что сзади, через окно, кто-то может залезть, фрицам даже в голову не пришло. Они ведь сами только что от этого окна ушли и прекрасно видели, куда двигается группа. Значит, там пусто.

Начинать надо с того, кто с колотушкой. Стрелок, если что, пальнёт в дверь – шумно, но не смертельно. Наших у двери пока нет. А вот гренадёр хренов, если успеет дёрнуть шнур, превратит нас троих в одну кучу ошмётков. Будет по классике – всё смешалось в доме Облонских.

Шагнул в проём. Половица даже не пикнула. Молодец, Чайка. Молодчина! Привыкает. Ещё шаг. Немец с гранатой не шелохнулся. Сидел, вытянув шею к двери, и слушал крыльцо.

Я метнулся вперёд. Левой ладонью зажал фрицу рот и нос разом. Рванул голову на себя и вбок. Шило вошло под ухо, снизу вверх. Немец дёрнулся всем телом, тут же обмяк. Даже не захрипел.

Твою мать… Получилось… Честно говоря, думал, студент мне всё дело запорет. Вернее, его тело. Оно же таких навыков не имеет. Видимо, мозг начал посылать более чёткие, понятные команды.

Колотушка вывалилась из разжавшихся пальцев немца,

глухо стукнула об пол.

– Erich? Was ist los? (Эрих? Ты чего?)

Стрелок начал оборачиваться. Не успел. Мой удар пришёлся ему в шею, над воротником шинели. Немец завалился набок, прямо на меня. Подхватил его вместе с винтовкой, опустил на пол. Аккуратно, без стука.

Всё. Секунд пять, не больше.

За стеной всё так же сопела и бубнила суперкоманда ротного. Ничего не заметили. Молодцы.

Тем временем выстрелы у соседней избы затихли. Кто-то заорал по-русски, длинно и матерно, но очень радостно. Бондаренко, похоже, закончил.

А это значит, ротный вот-вот двинет к крыльцу. Минута у меня есть. Может, полторы. Если повезёт.

Теперь самое интересное.

Два мёртвых фрица с дырками от штыка. В избе, куда никто из наших не входил. Ротный, конечно, не следователь. Но и не дурак. Может, заподозрит что-нибудь особо нежелательное.

Значит, пусть фрицы подорвутся сами. Своей же колотушкой. На войне и не такое случается. Шнурок зацепился за пуговицу, граната выскользнула, неловко повернулся – и привет. Особенно когда сидишь в темноте на корточках, весь на нервах, а за дверью русские.

Прикинул путь. От двери до проёма, потом через всю соседнюю комнату к окну. Метров восемь. На колотушке за-

пал – четыре с половиной секунды. Вроде бы целая вечность. Только в темноте, в портянках, да ещё с шинелью, винтовкой и валенками в обнимку – не успею. Значит, сначала барахло.

Подхватил шинель, оружие, метнулся к окну. Валенки швырнул в сугроб. Остальное – туда же. Винтовку опустил аккуратно, прикладом вниз, чтобы не звякнула. Сумку тоже. Штык – следом.

Вернулся к фрицам. Поднял колотушку. Шарик качался на шнурке, как ёлочная игрушка. Подарок от вермахта. С доставкой.

Если даже не успею добежать до окна, спасёт стена между сенями и избой. Бревно колотушку выдержит.

Прислушался напоследок. Моя суперкоманда всё еще топталась за углом, у стены. До крыльца не дошли. Значит, рванёт мимо них: дверь вылетит на улицу, а бревно и угол прикроют. Разве что уши заложит. Переживут.

Сжал рукоять покрепче, дёрнул шарик. В рукояти зашипело.

Колотушку положил на пол, между фрицами. Метнулся в соседнюю комнату, к окну. Нёсся, как ошпаренный, огромными прыжками.

Раз.

Проём.

Два.

Вдоль стены, к окну.

Три.

Головой вперёд, будто ныряю в прорубь.

Четыре…

Сугроб принял меня как родной. И тут же за спиной бухнуло.

Изба подпрыгнула. Из окна над головой вырвался клуб пыли пополам с сажей, с крыши съехал пласт снега и накрыл меня, как одеялом. Где-то на той стороне с треском вылетело на улицу что-то большое. Дверь, судя по звуку.

В ушах звенело. Ну, это мы сегодня уже проходили.

Выкопался и сразу принялся очень быстро приводит себя в подходящий вид. Прямо как на первом месяце срочки – успеть, пока горит спичка. Шинель накинул, крючки застёгивать некогда. Один валенок натянул сразу. Второй, как назло, зарылся в сугроб и набрал снега под завязку. Чёрт с ним. Некогда выколачивать. Сунул валенок под мышку, сгрёб сумку, гранаты впихнул туда же. Схватил винтовку, вернул штык на место и рысью потрусил к своим.

Вывернул из-за угла очень вовремя. Мои сослуживцы как раз отошли от взрыва и уже были на крыльце. Ротный с наганом нырнул в чёрный проём, где совсем недавно висела дверь. Лопата – за ним. Малой топтался на ступеньках и таращился на выбитые доски. Кузьмич задержался, обернулся.

– Чайка! – рявкнул он. – Ты где шлялся, студент? Тебе что велено? Сзади смотреть!

– Так смотрел… – пролепетал я и потряс валенком для убедительности. – Показалось, кто-то сзади подкрадывается.

Пошел проверить. А потом провалился. Там у стены яма. По пояс. Валенок черпанул…

В избе чиркнула спичка. Ротный решил проверить, чего это немцы сами, без его участия, взорвались.

Я стукнул валенком о стенку, натянул его на ногу и забрался на ступени. Заглянул через плечо Кузьмича.

Огонёк выхватил из темноты закопчённые брёвна, опрокинутую лавку и двух немцев у порога. Вернее, то, что от них осталось. Колотушка – граната наступательная, осколков у неё почти нет, зато ударная волна в тесной избе – будь здоров. Разглядывать там было особо нечего.

Ротный присел на корточки, поднёс спичку ближе. Потом подцепил стволом нагана что-то с пола. Колпачок от колотушки. Открученный.

– Значит, сами, – подытожил лейтенант. – Готовили нам гостинец, да не удержали.

– Колотушку уронили, раззявы! – авторитетно заявил Кузьмич. – Я такое видал. У них шнурок снизу. Зацепится за что – и поминай как звали.

Видал он. Ну конечно. Как опоссумов в Африке, которые так-то живут в Америке.

– Бог не Тимошка, видит немножко, – хмыкнул Лопата и с удовольствием сплюнул прямо на остатки фрицев.

– Видали? – Ротный зыркнул на Малого. – Вот так с гранатой и бывает, когда руки из жопы растут. Запомни, боец.

Малой судорожно закивал.

Спичка догорела ротному до пальцев. Он тряхнул рукой, выругался.

– Ну и хрен с ними. Нам меньше работы. – Затем обернулся, глянул на меня. – Чайка! Впредь держись рядом. Не отставай. То, что тебе удалось разобраться с пулемётчиком, – чистой воды случайность. Так бывает. Самое главное – не уверовать в свою везучесть. Иначе быстро сдохнешь.

– Есть, товарищ лейтенант! – бодро рявкнул я в ответ и вытаращил глаза. Мол, полностью согласен с версией про везучесть.

Прежде чем двигаться дальше, ротный отправил Лопату в подпол. Ну как отправил. Я просто случайно «вспомнил» Кузьмичу на ушко, что в подполе мог уцелеть пулемет. Кузьмич сразу же сообщил ротному. А уже после этого лейтенант отдал приказ проверить.

Лопата спустился, погремел чем-то, чертыхнулся и вылез обратно. Довольный, как кот, укравший сметану. В руках у него был немецкий MG-34.

– Кожух посекло, сошку погнуло, приклад треснул. А затвор ходит! И патронов две коробки. Там внизу еще трое… – Лопата дернул плечом, – Посекло их, конечно, хлеще пулемета. Гранатой видать. Эта дура-то стояла на приступке у амбразуры, а граната скатилась вниз, фрицам на головы.

Все присутствующие одновременно посмотрели на меня. Они же помнят, кто снял пулеметчиков. Я тоже посмотрел на них, максимально искренним, наивным взглядом. Мол,

везение, вы чего, забыли? Про себя подумал: как удачно додумался швырнуть лимонку для перестраховки. Иначе сейчас Лопата нашел бы не остатки расчета, по которым хрен чего разберешь, а три трупа с аккуратными, правильными дырочками в головах. Такую меткость было бы сложно списать на удачу.

– Вот это дело, – впервые за весь вечер по-настоящему улыбнулся ротный. – Иванченко! Тащи его Гришину, пусть левый край держит. Одна нога здесь, другая там!

Лопата подхватил пулемёт, сунул под мышку коробки с патронами и потрусил к окопу. Нагнал он нас уже у следующей избы, запыхавшийся и ещё более довольный.

Иванченко, значит. Вот и познакомились. Хотя Лопата ему, как ни крути, подходит больше.

Дальше дело пошло повеселее. Ротный после такого фарта вошёл во вкус.

Сам я при этом старательно изображал того самого студента Чайку, которым он был до моего появления. Тем более мои товарищи, как по заказу, любезно такую возможность предоставляли своими необдуманными поступками. Чтобы уберечь их головы и не обнаружить свои подозрительные навыки профессионала, приходилось творить лютую дичь.

К примеру, у следующей избы Малой вдруг решил, что удача благоволит всем, и полез на крыльцо первым. Глаза круглые, рот нараспашку, в голове ветер. Пришлось действовать в лучших традициях всех кретинов.

Я рванул вслед за ним, взлетел на ступени, «поскользнулся» на ровном месте. Ухватил придурка за шиворот и потянул за собой вниз. Мы «упали» прямо в сугроб. Через секунду в двери, ровно на уровне груди, появились две дырки. Эти фрицы тоже ждали появления русских в сенях и, судя по всему, собирались действовать по такой же схеме, как и первые.

Понять их можно. Чего бы и не выбрать подобную тактику, если мои сослуживцы сами лезут на рожон?

– Ты на хрена скачешь тут, как кенгуру?! – зашипел Кузьмич.

– Скользко… – буркнул я.

А вот Малой, надо признать, впечатлился. Он несколько секунд пялился на дырки в двери. Понял, что ровно на том месте стоял сам.

Вот как раз после этого ротный и решил действовать определённым образом. Сначала граната в окно, потом заходим. Схема так себе, но для пехоты сорок второго – почти академия. Гранат у нас было штук пять своих и ещё четыре немецких. Две, которые я брал с собой, пришлось отдать ротному. А вот лимонку придержал. На всякий случай.

Но даже в таком темпе случилась пара ситуаций, где мне пришлось снова вмешаться.

У очередной избы враг оказался шустрее. Лопата подскочил к окну, швырнул в дом немецкую колотушку. При этом товарищ Иванченко совсем не подумал о том, что колотуш-

ка взрывается не сразу, а через четыре с половиной секунды. Этого вполне хватит, чтобы выбросить гранату обратно.

Фрицы так и сделали. Лопата только успел обернуться и посмотреть на ротного радостным взглядом – мол, вот я тоже могу, – как из окна вылетела та же самая колотушка. Она шлёпнулась в снег в трёх метрах от нас.

– Ложись! – рявкнул ротный и прыгнул в сторону.

Остальные сделали то же самое и мгновенно легли в снег. Я – нет. В два прыжка успел подскочить к чёртовой гранате, схватил её и закинул обратно. Только после этого упал сам. Взрыв прозвучал ровно в тот момент, когда колотушка оказалась внутри. Успел.

– Чайка, ты, что ли? Ты ее туда? – уставился на меня ротный, оторвав голову от земли. Лицо у него было всё в снегу, особенно налепилось на брови.

– Да не понял ничего, товарищ лейтенант… – Я поднялся, хлопая растерянно глазами. – Смотрю: упала, схватил и обратно. Прямо как в голове что-то щёлкнуло. Со страху, наверное.

Лопата выбрался из сугроба, хохотнул и хлопнул меня по спине так, что клацнули зубы. Мои, естественно, зубы.

– Везучий ты, студент, как чёрт! – заявил сослуживец.

Я тактично промолчал. Про себя подумал: если бы ты, дурачок, вспомнил, что после шнурка надо досчитать до двух, было бы гораздо лучше.

Ротный ничего не сказал. Только снова посмотрел на ме-

ня. Долго, внимательно. Потом смахнул снег с бровей и отвернулся.

Взгляд этот мне не понравился.

Потом через пару домов Кузьмич вздумал перебежать улицу в полный рост. Над деревней как раз повисла ракета, и в слуховом окне напротив что-то шевельнулось. Я еле успел «споткнуться» о какое-то корыто и рухнуть на Кузьмича всей тушей. Тут же с чердака хлопнул выстрел. Пуля свистнула там, где только что была голова моего «учителя».

Стрелка сняли всей группой, залпом. Чья пуля оказалась самой точной – непонятно. Вернее, я то знаю, чья, главное – остальные не вкурили.

Кузьмич потом минут десять крыл меня по матушке и выковыривал снег из-за шиворота. Так и не понял, что я спас его шкуру.

Закончив со своим квадратом, мы пошли на помощь другим группам.

В доме, который достался Савельеву, фрицы засели на чердаке и огрызались так, что носа не высунешь. Пока все палили по крыше, я тихонько обошёл домишко, залез на сарай, который притулился рядом. Выждал, когда савельевские залягут в снег, закинул в слуховое окно лимонку и тут же нырнул за угол.

Чья рука сделала это – так никто и не понял. Решили, что Савельев постарался. Он, кстати, спорить не стал.

К полуночи Дуброва была наша. Ефимов со своими на-

крыл миномётчиков, когда те сворачивались, и это была самая лучшая новость.

Обошлось малой кровью. У Савельева двоих ранило, у Левшина одного убило на соседней улице.

Фрицы решили, что в Дуброву ворвалась как минимум дивизия. Остатки ушли огородами в темноту, бросив всё, что не смогли унести на себе. А гаубицу на себе, как известно, не унесёшь. Пушкари, кстати, драпанули первыми, едва стрельба покатилась по улицам. Побросали свои орудия и ушли налегке.

Когда все закончилось, ротный сел прямо на ступеньку ближайшего дома, выдохнул. Лицо у него стало… Черт… Да наверное по-настоящему счастливое.

Он выполнил приказ. Его красноармейцы взяли Дуброву ровно к двадцать третьему февраля. С праздником, ё-мое.

Глава 5

Изба, которую ротный выбрал для «штаба» и ночёвки, находилась в глубине деревни. Она оказалась небольшой – сени и одна комната, – но тёплой. Настолько тёплой, что даже невыносимо. Замёрзшее лицо тут же начало гореть, будто по нему прошлись наждачкой. Пальцы заколoло так, что захотелось выйти на улицу и сунуть их обратно в сугроб.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.